

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Кто остался под холмом

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина

Елена Михалкова

Кто остался под холмом

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Михалкова Е. И.

Кто остался под холмом / Е. И. Михалкова — «АСТ»,
2018 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина)

Тихий город, где бесследно исчезают люди. Два частных сыщика, нанятые искать одного из пропавших. Невидимая жизнь обитателей города, о которой не догадывается никто из приезжих. «Кто остался под холмом» – детектив о навсегда похороненных тайнах. Что произойдет если сдвинуть крышку гроба?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Михалкова Е. И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	34
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Михалкова

Кто остался под холмом

© Михалкова Е., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

1

Выйдя на обрыв, Марта оглянулась: за шумом ветра ей почудились шаги. На лесной тропе, конечно, никого не было. Люди здесь не появлялись очень давно.

Змеиное тело реки рассекал надвое песчаный островок, за которым черная вода сливалась воедино. На островке гнездились чайки, надрывались так, что непонятно было, как собственный крик не раздирает им горло, но иногда внезапно стихали – все разом, словно кто-то беззвучно приказывал им: «Чш-ш-ш».

Ниже по течению река изгибалась, и там, за поворотом – отсюда не увидеть – была пристань. На другую сторону ходил паром, в основном перевозя старух, изредка выползавших в город из своей Ткачихи – единственного обитаемого места среди громадного массива безымянного леса, так и называемого: Лес, как река называлась Рекой, хотя на карте было у нее какое-то невнятное, ничего не отражающее имя.

Прежде Марта никогда не спускалась к воде.

Шишига говорит: все реки слепы, кроме этой. Не вздумай даже приближаться к ней, девочка, – темная вода заберет тебя, как забрала тех двоих. Здесь обитает смерть, щерится изпод коряги, сплетает жидкие водоросли в удавку.

Маленький Оська, утонувший четырнадцать лет назад, не хотел купаться, он только бродил по берегу. Марта уверена, что сердце его замирало от сладкого ужаса и он чувствовал себя отчаянным храбрецом – глупый мальчишка, нарушивший запрет.

Анну, почтальоншу, в тот день занесло на крышу дома. Не подумайте, что ветром: Анна Козарь такова, что может остановить любой ветер, всего лишь оперев руки в бока. Она забралась туда сама, чтобы укрепить разболтавшийся флюгер, и заметила мальчика.

Ее пронзительный крик донесся до Оськи. Он услышал, обернулся и...

Это был оползень, утверждают в городе, песчаный оползень, мальчик стал жертвой несчастного случая. Едва он оказался в воде, течение подхватило его, словно щепку, закрутило и вынесло на стремнину.

Шишига говорит: неправда. Все было иначе. Что-то быстрое, гибкое как хлыст скользнуло из реки; оно обвилось вокруг тощей Оськиной шеи и потащило вниз. Анна молчит об этом: не желает прослыть сумасшедшей. Марта видела сумасшедших – старуху с палкой, что ходила вокруг магазина с огромным узлом, откуда торчали рваные тряпки, и худого старика, который неровно держал голову и смотрел на жизнь одним глазом. Кто захочет быть похожим на них? Да никто. Но этот образ – вода, щупальце, быстрое движение и всплеск – запал ей в душу.

«Поклянись, что никогда не пойдешь к реке». Марта пообещала, скрестив за спиной пальцы, и зажала между зубами язык. Кто зажмет – тот совет.

Шишига однажды сказала: самые хорошие истории начинаются с того, как кто-то нарушил запрет. И самые плохие тоже, добавила она, но эту часть Марта пропустила мимо ушей.

2

Она оставила под сосной пыльные кеды, прыгнула на откос и заскользила вниз по теплему песку. Флакончик духов, украденный у Киры Михайловны, оттягивал карман.

Обманчиво тихая вода у берега была совсем прозрачной. В ней, как в стекле, застыли неподвижно серебряные ясноглазые мальки. Марта протянула руку, и стайка метнулась из-под накрывшей ее тени.

– Встали ночью в хоровод, – отчетливо проговорила Марта, – ведьма, леший, черный кот, старый гном и домовый. Прячься быстро, кто живой!

Сейчас полдень, а вернуться нужно до пяти.

– Клад зарыли под холмом ведьма, леший, старый гном, домовый и черный кот. Там один из них умрет.

Марта сунула руку в карман, и пальцы на миг сомкнулись вокруг граненого стекла. Не забыть перепрятать, сказала она себе, иначе снова начнется...

Футболка и шорты полетели на песок. Марта вошла в реку и невольно ахнула: ее мгновенно пропитало холодом, точно губку. Кира Михайловна рассказывала о ледяных подземных ключах, бьющих на дне.

– Клад зарыли под холмом... – выговорила она, стуча зубами.

И поплыла.

К сильному течению Марта была готова, но не думала, что вода окажется слоистой, как пирог. Сверху еще можно было дышать, однако метром ниже плоть реки непостижимым образом твердела и в кожу впивались сотни снежных игл, отточенных сосулек.

Устав, Марта перевернулась на спину. Взмах – гребок. Взмах – гребок. Она отталкивалась от упругой воды, преодолевая сопротивление, рывками продвигаясь все дальше и дальше.

Когда в начале мая, сухого и знойного как самум, Марта стала каждое утро сбегать из дома, бабка заподозрила дурное. Пару раз тайком последовала за ней, надеясь поймать на очередном преступлении. Однако ее ждало разочарование: Марта всего лишь плавала на Долгом озере, из конца в конец, с упорством спортсмена, готовящегося к соревнованиям. День за днем, неделя за неделей, без перерывов и поблажек, все увеличивая расстояние, которое она могла проплыть, не испытывая усталости.

Ведьма, леший, старый гном...

Подняв голову, Марта с изумлением обнаружила, что течение снесло ее ниже островка, на котором она собиралась отдохнуть. Внезапно нахлынувший страх парализовал ее, и тотчас Марту потащило вниз по реке, точно рыбу, заглотившую наживку. Сволочь, выругалась она, отпусти меня!

Однако самые энергичные гребки больше не продвигали ее к цели. Тело готовилось сдаться на волю реки, точно малодушный солдат, не слушающий команд военачальника. Отдохнуть, уснуть, застыть в речном стекле подобно серебряным малькам...

Там один из них умрет.

Вон он, берег. Створки моллюсков, высохший ситник, бурые порезы глины в белом песке... И воздух! Сколько хочешь воздуха!

В ушах зашумела волна, берег потерялся за багровым туманом. Маленького человека – нет, не человека, механическую куклу с кончившимся заводом, чьи движения диктовала лишь инерция, – река обхватила крепче. Будь моей игрушкой, рыбкой, цветным камушком!

Но пловец бился отчаянно. Метр за метром, метр за метром...

Река нехотя отпустила добычу.

Кашляя, Марта выбралась на берег и обмякла на песке. Счастье! Перевернуться на спину, раскинуть руки и дышать, дышать, дышать...

– Я тебя победила! – пробормотала она.

Пятки насмешливо окатила волна.

Следов человека не было. Ни пустой сигаретной пачки, ни обрывок рыболовной сети, ни дохлой полиэтиленовой медузы. Марта поднялась и победно оглядела длинную прибрежную полосу.

От моллюсков разило тиной. Она перевернула одного, воткнула беззубку в песок створками вверх. Так делают все моряки, чтобы, вернувшись, съесть подкоптившуюся на солнце мякоть.

Гнус назвал ориентир: линия электропередач. От черного столба идти на север, пока не упрешься в холм. У Марты не было ни лопаты, ни компаса, но она умела ориентироваться по солнцу, а вести раскопки планировала в другой раз, сперва – разведка.

Корабельные сосны, которые она любила больше всего на свете, остались на том берегу. Золотые свечи, зеленое пламя крон, бронзовые блики. О том, что все деревья растут к солнцу, Марта читала в учебнике и, если бы не Кира Михайловна, вырвала бы лживую страницу и сожгла. Бледные болезненные осины – разве тянутся они вверх? Украдкой, таясь, расползаются от болот, шелестя, как гигантские мотыльки. А береза? Ветви льются к земле, по ночам шепчутся с травой. Липа гостеприимнее всех: распахивает объятия широко, и солнце ей ни к чему, она сама себе солнце.

Лес на этой стороне реки был особенный – царство черной ели, дерева сильного, злого и могущественного. Дух стоял сырой, тяжелый, грибной. В пятки впивались иглы и шишки, но Марта даже не ойкала: кожа на подошвах у нее давно загрубела и потеряла чувствительность. Там, где ели неохотно раздвигались, освобождая место для подлеска, все заполнял жесткий папоротник.

Она пробиралась через чащу, с восторгом разглядывая новый мир. Тяжело провисающие нижние ветви с каймой высохших желтых игл – словно юбки колдуний, кружащихся в пляске, а волны мха – их постель. И сколько шишек! Связки, гирлянды, ожерелья...

Диких зверей Марта не боялась. Экзекуции, которым регулярно подвергала ее бабка, повлияли не только на характер Марты, но и на ее голосовые связки: она научилась истошно визжать. Звук был невыносим: бабка швыряла ремень и выскакивала за дверь, зажимая уши. Благодарить за эту способность следовало фильму о волшебнике Гарри Поттере: однажды увидев на экране мандрагору, Марта раз и навсегда выбрала ролевую модель для общения с разъяренной старухой.

Она шла, и шла, и шла. Солнце припекало. Столбов не было и в помине, а ведь Гнус клялся, что до них не больше получаса ходьбы.

Тесный купальник с его дурацкими лямками Марта давно стащила и обвязала вокруг пояса. Ее не смущала ни нагота, ни царапины, которые ветки оставляли на ее теле. Но линия электропередач – отчего ее нет?

Марта легла в мох и стала думать. Почему она не нашла холм? Сбилась с пути? Неправильно выбрала направление?

Надо было нарисовать карту, взять с собой питьевую воду! Придется возвращаться ни с чем.

Обратный путь дался ей легко. Не будь по эту сторону реки до ближайшего жилья двадцать километров, она заподозрила бы, что здесь кто-то постоянно ходит.

Страхивая липкую паутину, Марта выбралась из-под полога леса. Застегнула купальник, вытащила из волос брыкающуюся лесную живность, щелчком отправила в песок. Подняла глаза, и сердце ухнуло в живот.

На берегу стоял человек с черным лицом.

В его облике было что-то невыразимо страшное. Если бы на воде качалась лодка, Марта перепугалась бы до смерти, но этот ужас был бы рационален и объясним, как паника грабителя, увидевшего шерифа с ружьем. Но на нее смотрел не рыбак, выследивший нарушительницу, не заблудившийся турист.

– Ыыы!

Существо пошло к ней, двигаясь как-то странно, враскачку, щуря глаз.

– Эыыы!

Марта замерла. Человек протянул к ней руки:

– Давай сюда-а-а!

Молниеносно пригнувшись, Марта зачерпнула горсть песка и швырнула ему в лицо.

Он взвыл, словно это был не песок, а битое стекло, и принялся тереть глаза. Воспользовавшись короткой передышкой, она схватила сухой обломок коряги, ткнула противника в живот, и он отчаянно, но бестолково замахал руками. Марта перехватила оружие поудобнее. Сердце скачками бежало откуда-то снизу, от пяток вверх, до макушки и обратно, словно спринтер, потерявший свою трассу.

В лес нельзя – заблудится, сгинет. В воду? А вдруг он плавает быстрее? Остается одно: мчаться вниз по берегу, пока не поравняешься с паромом, и тогда орать что есть силы, махать руками, надеясь, что заметят с другого берега и спасут.

Марта напоследок швырнула в него свою корягу и сорвалась с места. За спиной послышался все ускоряющийся топот. Набросится, вонзит зубы в шею, растерзает и уволочет останки в чашу.

Вдруг раздался хриплый крик боли. Топот оборвался, и, обернувшись, Марта увидела своего преследователя на песке: страшный человек, подвывая, прижимал к себе собственную ступню, словно баюкал младенца. Песок под ней потемнел от крови.

Ракушка! – осенило Марту. Моллюск, ее неприкосновенный продуктовый запас! Он должен был свариться под солнцем, а превратился в миниатюрный капкан; острые створки распахнулись, словно венерина мухоловка, но поймали не муху, а гигантского черного паука.

– Теперь сам помучайся! – выкрикнула Марта.

Убедившись, что преследователь выведен из строя, она перевела дух. Ее потряхивало, и сладковатый привкус изгнанного ужаса еще чувствовался на языке, но в голове уже зашумело от опьянения победой.

Вопли перешли в поскуливание.

Ревет! Так ему и надо. Хотел убить ее, а вместо этого охромел.

Марта сплюнула на песок. Торжество вытеснилось беспокойной мыслью: надо бы рассказать взрослым о твари, что живет на запретном берегу.

Человек продолжал скулить.

– Да заткнись ты!

Поскуливание сменилось прерывистыми всхлипами. Марта остановилась, топнула ногой.

Чужих слез она не выносила. Зачем, зачем он ревет! При звуках плача у нее внутри как будто кто-то переезжал пополам червяка; она ненавидела, когда переезжают червяков.

– Ы-ы-ы! Бо-о-о-ольно!

Она скрипнула зубами и повернула обратно.

Шаг, другой, третий. Вдруг это ловушка...

В пяти метрах Марта остановилась. Отсюда паук выглядел обычным мужчиной, довольно неопрятным. Он поднял к ней лицо, и стало видно, что слезы прочертили на его лице длинные светлые бороздки.

– Да ты грязный, – невольно сказала Марта. Загадка страшной черной морды разъяснилась.

– Больно, – снова пожаловался человек.

Она присела на корточки. Рана выглядела нехорошо. Казалось бы, нет никого безобиднее речного моллюска, а поди ж ты – рассек бедняге ступню чуть ли не до кости. С людьми дело обстоит точно так же, Марта давно это заметила. Вспомнить хотя бы Гнуса...

– А зачем ты меня убить хотел? – Она шмыгнула, придвинулась ближе.

Он взглянул недоуменно и испуганно. Челюсть отвисла, как у ребенка, кажется, он снова собирался зареветь.

– Ладно, проехали, – буркнула Марта. – Покажь. Покажь, кому говорю!

До воды ему пришлось доползти самому, и пока Марта промывала рану, он сидел молча, лишь иногда кривясь от боли. Грязный, заросший как черт; пахнет свалявшейся собачьей шерстью; глаза то ясные, то плещется в них какая-то муть. Рот перекошен. Несколько раз, ловя на себе короткий взгляд, Марта почти решалась удрать, но что-то ее останавливало. Моллюск, вот что. Это ведь она укрепила ракушку в песке.

В карманах его нелепых трико – господи, кто по такой жаре носит трико! – нашлись три обсосанных до прозрачности липких леденца и расческа без половины зубцов.

– Платка мы с собой, значит, не носим, – сказала Марта противным бабкиным голосом. Пришлось пожертвовать для перевязки его рубашкой.

Когда он поднялся, стало ясно, что сам идти не сможет. Мужчина вопросительно посмотрел на Марту и как будто даже съежился, страшась ее отказа.

– Показывай, куда двигаем, – вздохнула она.

3

Все-таки это была тропа. То, что Марта принимала за естественные просветы между елями, оказалось дорожками; похоже, их использовали не часто.

Они дошли бы быстро, если б не хромота ее спутника. Он опирался на ее плечо, и Марта сама чуть не падала под его тяжестью.

– Ты под холмом живешь? – спросила Марта.

– Холмом?

– Ну, под горой.

– Тут гор нее-егу. – Он говорил немного в нос, гнусаво. – Это ле-е-ес.

Тьфу, бестолочь.

– А где твой дом? – допытывалась она. – Откуда ты взялся?

– Я тут живу-у.

– Ну, хорошо, а зовут тебя как?

Он остановился, посмотрел на нее сверху вниз и с удовольствием выговорил, растягивая гласные:

– Мало-ой.

– Малой? Нет, это прозвище. А зовут? Имя, понимаешь? Как тебя мама назвала?

Он помрачнел и дернул углом рта.

– Была же у тебя мама!

В темных полусонных глазах промелькнуло что-то пугающее, как если бы под рыбацкой лодкой беззвучно прошла огромная тень и растаяла в глубине.

– Сирота, значит, – торопливо согласилась Марта и увидела на поляне дом.

Надежды на ведьмино обиталище рассеялись. Прозаическая изба из старых темных бревен, за невысоким частоколом – бочки с дождевой водой, грядки и сарай. Из окон выплывали лебедями на удивление чистые, даже, кажется, накрахмаленные занавески.

Их принял прохладный сумрак дома; пот высох, и Марта покрылась противными мурашками. Пахло гречкой, уютным домашним запахом, и, заметив на плите укутанную кастрюлю, она немного успокоилась. Там, где варят гречку, никогда не случается ничего плохого (кроме, конечно, самой гречки).

– Малой!

– Тут я! Иди сюда! В дальнюю комнату!

Марта пошла на голос, отмечая про себя, что ее новый знакомец стал разговорчивее и больше не заикается. Он нашелся за дверью: стоял на коленях над грудой тряпья, в которой Марта распознала скрюченного мертвеца. Она лязгнула зубами от ужаса. Малой повернулся.

– Тебе! – По его лицу растеклась улыбка.

Никакой не мертвец. Всего лишь свернутый в валик матрас.

На мозолистой ладони темнела выточенная из дерева лошадка на шнурке. Марта осторожно взяла ее.

– Тебе!

Он накрыл ее руку своей и залопотал что-то быстро-быстро, перейдя на птичий язык. Марта с трудом разбирала, что это его любимая игрушка... они теперь друзья... друзьям дарят подарки...

Она с изумлением вглядывалась в Малого, пытаясь найти в нем сходство со страшным бородачом, напугавшим ее до полусмерти.

Хлопнула дверь.

– Малой, ты дома?

Перепуганная кошка не сиганула бы из окна быстрее, чем Марта, услышавшая хриплый рык. Она перекатилась по траве и бросилась под укрытие деревьев. Через лес, знакомой тропой; дожидаться, пока выровняется дыхание, – и плыть наискосок.

То ли пережитый страх, впрыснутый в кровь, придал ей сил, то ли сработало правило обратного пути, но только Марта выбралась на свой берег, всего лишь запыхавшись. Она плюхнулась на песок и крепко сжала болтавшуюся на шее деревянную лошадку.

Глава 2

1

Никто не мог сказать достоверно, когда город под названием Беловодье возник на карте.

Автомобилист назвал бы его маленьким, пешеход – большим, любитель достопримечательностей – провинциальным, любитель провинциального – сказочным; в общем, это был один из тех городков, о которых люди посторонние могут узнать разве что из атласа путей сообщения.

Самые высокие дома в нем были пятиэтажки, выстроившиеся вдоль аллеи Славы, излюбленного места прогулок горожан. Обитатели верхних квартир разглядывали по утрам со своих балконов криво нарезанные огороды и разросшиеся сады, в которых летом пронзительно пересвистывались зяблики, малиновки и прочая горластая птичья мелюзга.

Беловодье не выглядело ни чистым, ни опрятным. Мусора хватало, но мусора пустякового: обертки, пачек от сигарет, дынных корок да пакетов: ничего, что не мог бы утащить бродячий пес или ветер. Даже похабные надписи на стенах были какие-то несерьезные, словно учительница литературы кралась в сумерках, прикусив от смеха губу, и выцарапывала школьным мелом нецензурщину, чтобы на следующий день отчитать своих остолопов и вывести на доске: «Русский язык в умелых руках и опытных устах красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен. А.И. Куприн» – тем же самым мелом.

Убегая от реки, город взбирался по холмам и утыкался в ворсистый подол леса. В бесснежные зимы к окраинам выходили волчьи стаи. Старуха Макеева рассказывала, что однажды отбилась от зверя клюкой (недоброжелатели распускали слухи, что это была смиренная соседская лайка).

С Макеевой все и началось.

Первый шаг к известности Никита Мусин сделал в тот день, когда она умерла. Сидели вечером в кругу возле костра, болтали о диковинном и жутком, и в наступившей паузе Никита многозначительно сказал:

– Сегодня утром я наблюдал в саду прозрачную фигуру.

На него посмотрели с интересом, но без ожидаемого восторга.

– Старуху, – уточнил Никита. – Мертвую.

– С косой? – фыркнул кто-то.

– У нее свеча была, – холодно ответил Мусин. – Лицо серое, а вместо глаз... – Он выдержал паузу. – Монеты!

– Так взял бы! Курили бы сейчас «Кэмел», а не эту дрянь.

Никита натянуто улыбнулся.

Выдумывая старуху со свечой, Мусин ничего не знал о покойнице. Макеевой хватились на следующий день и тогда же установили, что она скончалась сутки назад, ранним утром.

На Никиту впервые в его жизни взглянули заинтересованно.

В тот момент Мусин еще не осознал, что за возможность ему подвернулась. Он отмолил успешный цирковой номер в луче прожектора, который на миг высветил его среди безликой толпы, и все, чего ему хотелось, – подольше оставаться в ярком круге.

– Старуха предупредила меня. – Никита понизил голос. – Сказала, что... – Мусин запнулся, пытаясь сообразить, как не попасть в ловушку собственной выдумки, – ...что вскоре произойдет что-то особенное!

Если бы жизнь в Беловодье текла так же тихо и спокойно, как прежде, Никита канул бы в темноту безвестности. Но два дня спустя на трассе перевернулся рейсовый автобус.

Узнав, что никто не погиб, Никита всерьез огорчился. Авария без жертв – то же самое, что безалкогольное пиво: не настоящая.

Как многих незаметных людей, его с детства переполняло острое, почти болезненное ощущение собственной уникальности. Своей Библией Мусин назначил «Трудно быть богом» братьев Стругацких. Параллели бросались в глаза. Как и дон Румата, Никита был кем-то вроде посланника развитого мира в средневековом Арканаре, с той разницей, что Румата Эсторский тащил быдло к прогрессу, а Мусин был умнее: он знал, что сеять зерна гуманизма и просвещения безнадежно и даже вредно. Ценность Руматы в том, что он единственный. А если вокруг много румат, это теряет смысл.

Никита начал исподволь внедрять в умы свое новое прозвище – Эсторский. Выводил его на тетрадах. Подписал обложку дневника: Никита Эсторский! Но тут случилось непредвиденное.

В конце сентября он вычитал, что Мусины-Пушкины – старинный дворянский род. Чего-то в этом роде Никита и ожидал. В нем, несомненно, текла кровь аристократов. Отец посмеялся над его изысканиями, сообщив, что Мусины последние сто лет крестьянствовали в Беловодье, но папаша был дурак.

Однако шуточки отца испортили Никите настроение.

Второклассник Богусевич попался под горячую руку. Не то чтобы Никита собирался его мучить, просто хотелось отвести душу, а толстяк подходил для этого, как яблоко для шарлотки: девчоночий румянец, пухлые щеки и заискивающий взгляд.

– Богусевич, ты голубой? – поинтересовался Мусин.

Жирдяй затрепетал и попытался сбежать, но Никита уцепил его за воротник.

– Мы здесь педиков не любим! – наставительно сказал он.

Тревожные шепотки, смолкшее щебетание третьеклассников: бандерлогам явился Каа.

– Оставь его, чего пристал, – промямлил кто-то из детей.

Никита встряхнул толстяка. Богусевич всхлипнул и собирался некрасиво разреветься.

– Богусевич-извращенец, – не без труда срифмовал Никита.

– Мусин-гнусин, – раздался звонкий голос.

От надругательства над своей аристократической фамилией Никита так опешил, что у него отвисла челюсть.

Дети засмеялись.

– Мусин-вонюсин, – отчеканила девчонка.

Школьники расступились, и Никита оказался лицом к лицу с Мартой Бялик.

– Глистами обожрусин! – Бялик скорчила физиономию, будто ее тошнит.

Никита молчал. Он совершенно растерялся.

– Что, зассусин? – сочувственно спросила девчонка.

Смешки перешли в хохот. Испуг детей таял, как грязный снег под лучами солнца.

Богусевич с неожиданной силой дернулся, едва не вывихнув Мусину палец:

– Не трожь!

Это было последней каплей. Никита пошел на девчонку, сжав кулаки, но, вопреки его ожиданиям, та не двинулась с места. Руки сложены на груди, на лице неопишемое презрение. Он осознал, что эта шелупонь готова драться с ним всерьез, если он не остановится.

И Мусин остановился.

– Да пошла ты, – без выражения сказал он. – Еще с девкой связываться.

Этот случай имел два последствия. Во-первых, малышня перестала бояться Никиту. Его по-прежнему сторонились, но он читал на лицах не страх, а нечто вроде гадливости.

«Во-вторых» было хуже. Сначала к нему пристала кличка «Мусин-гнусин». Затем его прекрасная аристократическая фамилия отпала, а из скорлупы гнусаина вылупилась противная тварь: чья-то мстительная рука зачеркнула на дневнике великолепного «Эсторского» и вывела сверху: «Никита Гнус».

2

В одиннадцать утра Никита шел по улице Гагарина, неся портфель с нотами. Мать настояла, чтобы даже летом сын занимался с восторженной старой девой, чьи ученики годами мучили рояль – прекрасный, между прочим, Циммерман, не заслуживший всех этих во-полеберезок и рвущих душу сурков-компаньонов.

Портфель был взят для отвода глаз. Учительнице Мусин что-то небрежно соврал, зная, что проверять она не станет.

Он потоптался в универмаге, проплыл за пыльным стеклом аптечной витрины. Его видели на почте, на автобусной станции. Сторонний наблюдатель решил бы, что Никита болтается без дела, однако в действительности Мусин трудился не покладая рук, напоминая о себе на каждом углу.

Вот уже три недели город был охвачен лихорадкой. Просачивались во все щели, как сквозняки, удивительные новости: Никита Мусин был избран! Старуха Макеева назначила его своим проводником в мир живых.

Предсказав аварию с автобусом, Макеева замолчала на четыре дня. На пятый явилась снова. «Береги матерей, а пуще того – невинных чад, – велела покойница. – Раны их глубоки».

Кое-кто из старшего поколения встрепнулся, однако предупреждение было слишком туманно. Да и как беречь матерей? Им и так материнский капитал положен.

Ночью с территории хлебозавода сбежали три дворняги. Двое разбрелись по соседним дворам, чтобы переругиваться с местными лохматыми сторожами, а третья добралась до спортивной площадки при школе.

«Мама, смотри! Там собачка в кустах!»

Ребенок и женщина оказались в больнице с укусами.

«Покойница вещает через мальчика!» – разнеслось по городу.

Наконец-то Мусина заметили! В «Речных зорях» вышла статья о необъяснимом явлении. Никита, словно терминатор Т-1000, начал принимать форму, которая соответствовала подсознательным ожиданиям зрителей. Он выпросил у отца льняную рубашку и подпоясался тонким ремешком. Рубаха была ему велика, subtilный Никита казался в ней совсем хрупким. Он зачесал вперед русую челку, посмотрел в зеркало и рассмеялся: отрок Варфоломей!

В его умненькой голове все давно вызрело, обрело цвет и форму. Пусть умозрительно, но он смоделировал чудо – личное, строго индивидуального пользования. Оставалось воплотить его в жизнь.

С дворнягами ему исключительно, невообразимо повезло. Никита не имел к их побегу никакого отношения. Доподлинно установили, что собаки сделали подкоп под забором. Фантазия самого Мусина застопорилась на идее подпилить опору качелей, но он не успел. Вне всякого сомнения, его ждало бы разоблачение. Никита запоздало представил себя возле позорного столба и содрогнулся.

Следующее послание он продумал намного тщательнее: исписал три страницы, прежде чем выбрал конечный вариант. «Явится демон огненный и пожрет Беловодье, а из пепла выстроит башню до небес».

Отлично! На это они клюнут.

Никита увлеченно решал техническую задачу: как устроить дистанционный поджог, чтобы ни одна деталь не указывала на умысел. Испорченная проводка? Или свеча с горючей смесью, запаянной в восковой капсуле? Фитиль дотлевет, разлетаются огненные брызги...

Если бы кто-то сказал Никите Мусину, что то, что он собирается сделать, не совсем нормально, Никита посмотрел бы на него как на дурака. Да ведь он единственный вменяемый человек в Беловодье! Мать – клуша: одна мысль в голове и вторая за пазухой на тот случай, если забудет первую. Отец поумнее, но тоже ничего не смыслит. Они словно глупые дети, бесконечно крутящиеся на карусели. Но их сын не таков! Немного наблюдательности, щепотка расчета, капля удачливости – и его лошадь выломает металлический штырь, спрыгнет с платформы и помчит его по прямой дороге к успеху.

Никита шел по городу, улыбаясь своим мыслям. Вот-вот исполнится третье предсказание, и засияет Никита Мусин в лучистом ореоле славы – спаситель Беловодья!

– Смотрите, Мусин!

– Никита, идите скорее к нам!

Три женщины расплылись в улыбках, заметив мальчика.

– Рассказывайте! Она являлась вам снова?

Никита с таинственным видом прижал палец к губам и подался вперед. Три головы с химической завивкой склонились к нему.

– Думаю, Антонина Петровна скоро вернется. У меня... – он выдержал драматическую паузу, – предчувствие. Что-то страшное грядет...

Все ахнули.

Через дорогу к ним направилась Анна Козарь, вместе с письмами разносившая молву. Как ни странно, сплетницей она не была; Козарь не выдавала новости, не просеив их сперва через сито своей недоверчивости. В Беловодье ее уважали и побаивались.

– У Никиты предчувствие! – взвизгнула одна из его поклонниц. – Нюточка, ты слышала?

– Духовидец! Среди нас!

Скрипучий хохот заставил их осечься; так могла бы смеяться шука, сожравшая Емелю.

Желтые зубы неисправимой курильщицы. Длинное смуглое лицо, похожее на сушеный финик. Набрякшие веки сползают на глаза, точно шляпки старых подберезовиков.

– Здравствуйте, Вера Павловна! – нестройно поздоровались все.

Шишига кивнула только Анне Козарь.

– Духовидец, значит. – Если бы яд из ее голоса можно было преобразовать в вещество, получился бы стрихнин. – Что там Макеева вещает – повысят нам пенсию, нет?

Мусин, прекрасно понявший издевку, молчал.

– Вера Павловна, случай и в самом деле уникальный...

Шишигина глянула косо, и бедную заступницу как ветром сдуло.

– Дуры! – зычно сказала она. – Этот говнюк вам головы морочит. Чуда захотелось? Чудеса не так происходят.

Говнюка Никита не стерпел.

– Зря вы так, Вера Павловна! Меня можете оскорблять сколько хотите, но Макеева не заслужила такого отношения!

– Макеева была дура похлеще этих, – отрезала Шишигина. – До девяноста лет доживают или очень умные, или совсем пустоголовые. Тебе, мальчик, славы захотелось! Еще труп не остыл, а ты его уже оседлал и в рай поскакал!

К ним начали стягиваться прохожие. Анна Козарь пристально разглядывала Никиту.

– Я виделся с Антониной Петровной, клянусь! Она приходила в наш сад и говорила со мной!

– Не бзди, пионер.

– Отчего вы мне не верите? – Голос Мусина дрогнул.

– Глазки-то бегают! – ехидно заметила Шишига. – Что у тебя дальше по плану намечено?

Пожар, что ли?

Никита побледнел.

Однако страх подсказал ему верную тактику. Придав своему лицу выражение необычайной кротости, Мусин беспомощно развел руками:

– Можете считать меня фантазером или, я не знаю, шизофреником... Я бы, наверное, и сам так решил, если бы увидел себя со стороны (слабая улыбка, понимающие улыбки в ответ). Честно говоря, в первый раз я перепугался. Все, крыша едет! Но только... (запнуться, стереть улыбку, посмотреть проникновенно)... понимаете, теперь я знаю: Антонина Петровна оберегает наш город. Ведь я – ну, кто я такой? Никто! Даже учусь на тройки! А она – она наша заступница...

– За что тебя прозвали Гнусом? – перебила старуха.

От ярости у Никиты побелело в глазах. Он забыл о пытливом взгляде Козарь, забыл о восторженных зрительницах; ему хотелось лишь одного: так напугать старую тварь, чтобы она обмочилась прямо здесь и уползла в свою нору опозоренной.

– Я не хотел говорить, Вера Павловна. – Его голос непритворно дрогнул. – Клянусь, не хотел!

– Что ты там опять придумал?

– Теперь я понимаю, что должен предупредить вас... Может быть, все еще можно изменить... Если вы покажетесь врачу...

– О чем ты, Никита? – Кудрявые дуры встревожились.

– Тихо! Не мешайте ему!

Мусин набрал воздуха в легкие.

– Антонина Петровна сказала, что вы скоро умрете.

Вокруг скомкалась тишина.

Раздавшийся мгновение спустя хриплый смех смыл с их лиц почти одинаковые маски изумления, и миру явились разочарование, облегчение, недовольство. Лишь Анна Козарь сохраняла невозмутимость.

– Соври что-нибудь получше, Гнусин. Ох, прости, Мусин! – Шишига ослабилась и вдруг подмигнула ему, словно они вдвоем затеяли хорошую шутку. – Совсем памяти не стало! Значит, лет до ста проживу.

Глядя вслед удаляющейся старухе, Никита думал об одном: она должна сдохнуть в ближайшее время.

Глава 3

1

– ...маятник всегда качается обратно, – громко говорил Илюшин, перекрикивая шум машин с Пресненской набережной. – Вспомни популярность Карнеги. «Завоюй, окажи влияние»! А сегодня модно быть социопатом. Ненавидеть общество, максимально дистанцироваться от него, устало говорить «эти люди», имея в виду человечество в целом, и усиленно предаваться мизантропии в своем сетевом дневнике, заведенном, впрочем, с той целью, чтобы его прочло как можно больше народу. Мизантропия без зрителей – яма, с публикой – пьедестал. В медийном, извини за выражение, пространстве, которое, кажется, исчерпало за столько лет своих героев, наконец-то нашелся новый.

– Камамбер, – утвердительно сказал Сергей.

– Кэмбербэтч. А также доктор Хаус и разнообразные девушки с татуировками... Тут один подвох: герой – не настоящий сварщик.

– Почему?

– У Шерлока Холмса есть близкий друг, женщина и неистребимая потребность заниматься делом, неотделимым от помощи людям. Мы по-прежнему говорим о социопате?

– Э-э-э...

– Пока мизантропия хорошо продается, ее ярлык будут шлепать на лоб всем, включая Санта-Клауса.

– Ему в первую очередь, – заметил Сергей. – Живет один в глуши, к цивилизации выбирается раз в году, да и то по ночам. Неприхотлив, из всех домашних животных предпочитает парнокопытных.

– Не в кулинарном смысле...

– Этого мы достоверно знать не можем.

– Думаешь, у него каждый год олени новые?

– Думаю, мы пришли.

Они задрали головы, рассматривая небоскреб, в окнах которого жил искривленный город, отмытый стеклянной волной от грязи и уродства.

– Каков процент успеха?

Хозяин кабинета не смотрел на них, и Макар подумал, что было ошибкой соглашаться вести переговоры в чужом офисе. Для этого существовала квартира, где одна комната была его официальным приказом повышена до кабинета, хотя после нового назначения в ней ничего не изменилось. Но по телефону Оводов был так обходителен и в то же время настойчив, что Илюшин изменил своему правилу.

– Из последних десяти дел одно завершилось неудачей.

С губ Оводова сорвалось что-то вроде смешка:

– Другой человек сказал бы, что из десяти дел девять завершились успехом. Отчего вы провалили десятое?

– Нам удалось найти пропавшего, но он оказался мертв.

– Давно мертв?

– Полтора года.

– Это не провал, – покачал головой Оводов.

Он как-то сразу смягчился, недобрые резкие морщины разгладились. Губы медленно зашевелились: Оводов подбирал слова. Это выглядело так, будто с ними пытается говорить через стекло аквариума немолодой сом.

– Начните с любого места, – сказал Илюшин, видя его затруднения.

– Не в этом дело... Хотелось бы избежать исповеди, хотя она в известной степени оправдана, когда имеешь дело с людьми вашего рода занятий. Если подумать, врачи и следователи знают больше священников, потому что священникам признаются лишь в том, в чем считают нужным, а вам – в том, что было на самом деле. Я тяну время, видите...

– Эти картины. – Илюшин обвел взглядом кабинет, напоминавший музейную комнату. – Вы их выбирали, Иван Борисович?

Сергей Бабкин покосился на два пейзажа, висевших напротив. Он не разбирался в живописи и об этих мог сказать только, что на них пошло много краски.

Оводов улыбнулся.

– Их написала моя жена. Они ужасны, верно?

– Если относиться к ним как к живописи, – согласился Макар. – Но это ведь не она.

– Нет, конечно, нет. Все вещи, оставшиеся нам от тех, кто дорог, начисто утрачивают свой изначальный смысл. – Оводов говорил медленно, кивая в такт словам. – В этом перерождении меньше всего от попытки сохранить память о них, но много от попытки сохранить себя. Мне рассказывали о молодой женщине, которая после смерти любимого мужа два года носила его пиджак – он был велик ей на несколько размеров, она смотрелась в нем нелепо. Я помню, как в доме воняло акрилом, пока мы не устроили мастерскую, и как жена показывала мне новые краски и называла их по именам, как детей... Я помню охру и кобальт; Охра Степановна и Кобальт Андреевич, например. Каково?

«А ведь у него нет детей», – подумал Бабкин.

– Ваша жена давно умерла? – спросил Макар.

– Двадцать два года назад.

– То, что вы собирались рассказать, имеет отношение к ней?

– И да, и нет. – Оводов тяжело вздохнул. – В двухтысячном году мне написал дальний родственник, не кровный. Он просил помощи. Его мать – двоюродная сестра моей жены. Они не поддерживали отношения, но знали друг друга достаточно, чтобы он обратился ко мне, когда в его жизни наступило... трудное время. Я ему отказал.

Он подождал, не будет ли вопросов, но частные детективы слушали молча, очень внимательно; старший быстро записывал. Оводов удивился, что у них нет диктофона, и в то же время, сам не зная отчего, почувствовал нечто вроде признательности.

– Его приютила другая родня, такая далекая, что я даже не знал о ее существовании. Троюродный, четвероюродный дядя... Мальчик вырос в его семье.

– Мальчик?

– Двенадцать лет назад он пропал, – размеренно продолжал Оводов. – Мне не известно, искали ли его. Дело было заведено, возможно, все ограничилось отписками.

– Вы поддерживали связь?

– Нет. Никакой связи.

– Тогда как вы узнали о случившемся?

– Я позвонил его опекуну. Он не хотел со мной разговаривать, я узнал от него лишь о факте исчезновения. Самого Володю я видел всего два или три раза – его привозила мать, они останавливались у нас, когда он был совсем маленький. Сказать по правде, я не обращал на него внимания.

Он помолчал и обратился к Макару:

– Вы думаете, перед вами раскаивающийся богач, который спохватился, что перед смертью никто не подаст ему куска хлеба?

– Почти уверен, что ваша диета исключает употребление злаковых, – вежливо сказал Илюшин. – А если нет, вы всегда можете купить маленькую частную пекарню и договориться, чтобы трижды в день вам приносили в корзинке свежие круассаны.

Оводов усмехнулся:

– Не зря мне о вас говорили, что вы большой наглец.

– Маленьким быть глупо: спросу как с большого, а профита меньше. Вы хотите, чтобы мы разузнали, где сейчас ваш родственник?

– Да, и, если это будет возможно, поговорили с ним и убедили встретиться со мной. Об остальном я позабочусь сам.

Илюшин задумался.

– Иван Борисович, у вас есть доказательства, что он жив? Письма? Звонки?

– Ничего.

– Странные встречи, которые навели вас на мысль, что это был... как его зовут, вы ска-
зали?

– Володя Карнаухов.

– ...что это был Володя?

– Нет. Я не слышал о нем эти годы, а если встретил, то не узнал бы его. Это просто невозможно – я не представляю, как он выглядит.

Бабкин с Илюшиным без слов обменялись взглядами.

– Мы не возьмемся за это дело, – покачал головой Макар. – Мне жаль.

– Почему?

– Вы ведь пытались найти его сами, и у вас не получилось.

– Откуда вы знаете?

– Пытались или нет?

– Да...

– Если бы он уехал от своего опекуна, ваши помощники давно обнаружили бы его. Или он очень хорошо спрятался, или он мертв.

– Он жив! – Самообладание покинуло Оводова. – Послушайте, я знаю: Володя жив! Я чувствую это! Никогда еще ни в чем я не был так уверен, как в том, что он жив и нуждается в моей помощи!

– Тогда почему он не просит о ней?

– Я его бросил шестнадцать лет назад! На него обрушилось горе, а я не просто смолчал, нет! Я написал ему такое письмо, после которого... – Он махнул рукой, заговорил сбивчиво: – Сволочью был, сволочью! Радовался тому, что жены уже нет и никто не может меня заставить взять чужого пацана, повесить на меня это бремя. А ведь я ее любил... До сих пор... но радовался все равно. А сейчас... смотришь – где? кто? Кто я был такой? – Он глубоко вдохнул. – Прошу вас! Мне все равно, каким он стал! Пусть алкоголик, пусть наркоман... Преступник, больной – нет, не важно, поймите! Я приму его любого.

– Хотите исправить ошибку? – тихо спросил Макар.

Болезненная улыбка пробежала по лицу Оводова.

– Как же вы еще молоды! Простите мне эту пошлость... Но вы молоды, это факт. Иначе бы вы понимали, что ошибки нельзя исправить, их можно только искупить.

– Где жил ваш родственник? – после долгого молчания спросил Макар.

– Город называется Беловодье.

2

– Мало мне было Русмы, – сказал Бабкин, глядя в окно, где тоскливый пейзаж чередовался с унылым, а тот сменялся безрадостным.

По пути они видели несколько обезлюдивших деревень; часть изб сгорела, часть сгнила. Через дорогу от одной из таких сияла новенькая заправка: чистые туалеты, кофе в стаканчиках. Сергей вздохнул. Он одобрял новые заправки, но не мог отделаться от мысли, что в этом есть что-то от «Макдоналдса», возведенного на кладбище.

– Что есть русская провинция? – философски спросил Макар и сам себе ответил: – Бездорожье, алкоголизм и наличники. Жизнь течет вспять, город, вместо того чтобы усложняться, разрушается и пустеет. Какая разница, Беловодье или Русма.

– Вот и я говорю: никакой.

– На тебя не угодишь.

– Ты и не пытался.

– Не стыдно? – укорил Илюшин. – Я тебя в Грецию возил. Вернее, загонял пинками, но не будем придирается к словам.

Бабкин шумно вздохнул.

– Белла-водье! – произнес Макар тоном, каким экскурсовод провозглашает: «Фонтан Бернины». – Чем плохо? Пейзане шумною толпою по Беловодию кочуют!

– Тем, что мы едем туда на автобусе, – буркнул Сергей.

Как большинство людей, выделяющихся из толпы, он старался по возможности этой самой толпы избегать. Но Илюшин не позволил взять машину. «Ты читал описание города? Они до сих пор ездят на телегах. Твой джип там будет как НЛО посреди Тверской!» – «Сеном замаскирую». – «Не нужно провоцировать агрессию местного населения». – «А ты сейчас чем занимаешься?»

Правда, в автобусе, кроме них, ехали только две старухи в платках и священник с добрым лицом, то и дело поглядывающий на них, но стесняющийся своего любопытства. Мелкий дождь, не отстававший всю дорогу, незаметно кончился. Бабкин задремал, а когда открыл глаза, увидел впереди белую башню. Автобус фыркнул, как лошадь при виде стойла, вскарабкался на холм, подпрыгнул и встал.

Не было ни привычной сутолоки автобусной станции, ни курящих таксистов в разбитых «Жигулях». Старушки, священник и даже водитель автобуса исчезли, точно деликатность не позволяла им присутствовать при первой встрече приезжих с городом. На опустевшей площади под голубым небом ветер качал неведомую трын-траву и прыгал целеустремленный воробей, пытаясь выколотать из трещины в асфальте питательного жука.

– Здравсьте! – озадаченно сказал Сергей.

3

Достоверно известно было немного. Родственника Оводова взял под опеку некто Герман Черных и перевез в Беловодье в августе двухтысячного года. В июле две тысячи пятого Карнаухов бесследно исчез. Герман был тем человеком, с которым пытался – безуспешно – разговаривать Оводов, и путь Илюшина с Бабкиным лежал к нему.

Отеля, если верить справочнику, в городе не оказалось. Дело было не в численности населения, бывают и меньше города, где главная площадь перерублена бетонной коробкой гостиницы, перед коробкой высится бетонный человек, а перед человеком растут цветы в тяжелых бетонных клумбах. Населенный *пункт*; последнее слово – как бетонная плита, под которой замуровано десять тысяч жителей.

Беловодье никто не назвал бы пунктом. Это был город – маленький, но город. Бетон в нем не приживался.

Бабкин с Илюшиным нашли приют так: брели по улице, увидели женщину на крыльце, спросили, где принято останавливаться добрым людям. У меня можно, радушно сказала женщина, если шуметь не станете.

– Чужие к нам редко ездят, – сказала она, показывая комнаты. – Далеко мы, а дороги – ну, сами понимаете.

– Вы знаете Германа Черных? – спросил Макар.

Она удивилась:

– Его здесь все знают. Это же Герман!

Одноэтажный каменный дом стоял чуть в стороне от главной площади. Небогатый, без лепнины и прочих излишеств, но опрятный, уважающий себя особняк с традициями. Над арочной дверью – выцветшая фанерная вывеска: то ли подлинная, то ли хорошая стилизация. «Фотография и художественное ателье».

Им навстречу, приветливо улыбаясь, вышел невысокий подвижный человек с живыми карими глазами и следами от оспы на желтоватой коже. В глубине просматривался задник, расписанный колоннами, а сбоку за пышной складчатой портьерой угадывалось еще одно помещение. Комната выглядела так, словно они провалились в прошлое в полном соответствии с вывеской.

– Он мерзавец! – взволнованно сказал Герман. – Ближайший родственник... Тьфу! Я знаю, что по линии жены, можете мне не рассказывать, но хоть капля сочувствия... даже у чужого, случайного, и то...

Он махнул рукой.

– При каких обстоятельствах мальчик попал к вам? – спросил Бабкин.

Илюшин покосился на него и с трудом удержался от смеха.

За портьерой оказался интерьер, сочетавший буржуазную роскошь с простотой сельского клуба. Пол был сколочен из грубых досок, возле окна три ветхих стула привалились друг к другу, как задремавшие в метро старухи. Но вдоль длинной стены бутафорская лестница вела к балкончику с балюстрадой. Под ней фотограф поставил три невообразимо огромных кресла, обитых алым велюром.

Илюшин сразу сдался на милость алого чудовища, провалившись в его пасть. Смириться с неудобным положением легче, если убедить себя, что ты сам его выбрал.

Бабкин был упрямее. Поэтому сейчас он походил на библейского Иону, в последний момент передумавшего сидеть три дня в промозглом сыром ките. А вот кит не передумал. Кресло неумолимо засасывало Бабкина, и Макар старался не смотреть на багровое лицо товарища, торчавшее, как пестик из раффлезии. «Впрочем, у нее, кажется, вовсе нет пестика».

– Четырнадцать! – Герман ссутулился у окна, сунув руки в карманы. – Володьке было четырнадцать, когда убили Полину. Он у меня первые два месяца молчал, а говорить начал, как сейчас помню, на День учителя, когда я взял его на съемку в школе. Я, знаете, не дикарь, я понимал, что нужен психолог, психиатр даже. Но – как? где? Понадеялся, что время лечит. Оказался прав.

– Полина – это его мать?

– Да. Смешно: она моя троюродная тетка, а старше меня всего на шесть лет. Мы играли вместе в детстве. Меня привозили в их дом под Вологдой, а потом я переехал сюда, а она вышла замуж за тульского, что ли, инженера... не помню, кто он был такой. Да что там помнить – такой же подлец, как этот ваш богач, Оводов. Бросил ее, едва узнал о беременности... а они не успели официально расписаться, я, кстати, думаю, что он и не собирался этого делать, просто пользовался тем, что она оплачивает съемную квартиру... В общем, сбежал. Полина родила, воспитывала Володьку одна. Характер у нее крепкий, мужской. Может, поэтому мальчишка вырос такой тихий... Они жили бедно, выживали, а не жили... Что там грабить! Колечко бабушкино? Мамины сережки с поддельным рубином? Она оказалась дома в неурочное время, а они явно не ожидали... Кричать начала, наверное... Обязательно начала! Зная ее... М-да.

Он тяжело вздохнул и притулился на краешке кресла.

– Володя остался один. Подумать только: на дворе двухтысячные, а он даже е-мейлы не умел отправлять. Компьютеров у них не было, в школе тоже... одна видимость этой несчастной информатики. Мальчик написал два бумажных письма. Одно послал мне, другое – Оводову. Телефоны он, бедолага, не смог отыскать в ее контактах, а адреса – вот они, ручкой в блокноте записаны. Я все бросил, метнулся за ним. Слава богу, там вошли в положение, обошлось без лишней волокиты. И вот, собственно, с тех пор...

– Расскажите, как он исчез, – попросил Макар.

– Я вернулся домой...

Из кресла Бабкина раздалось что-то вроде басовитого кряканья.

– Вернулись откуда? – перевел Илюшин.

– Каждый год я навещаю моего старинного друга. Мы вместе учились, а сейчас он живет в Кургане. Наум не совсем здоров... Я закрываю ателье на десять дней, иногда на две недели. Рыбачим или уходим с палаткой на озера. Володя сразу начал помогать мне здесь, – Герман обвел рукой ателье. – Я советовал ему поступать в институт, он отказался. Обучался потихоньку моему ремеслу... У него хорошо получалось развлекать детей: знаете, они ведь частенько начинают капризничать именно тогда, когда семья раз в год пришла в нарядных костюмах, чтобы сделать памятное фото. Володька их гениально успокаивал. Рожи корчил! – Герман улыбнулся. – Я покажу вам несколько портретов, которые получились с его помощью. Все хохочут! Нет этих протокольных рож, мертвых взглядов. Вы не представляете, как меняется мимика человека, когда он оказывается перед камерой.

Герман вдруг что-то сделал со своим лицом – и взглядам сыщиков предстал истукан с острова Пасхи.

– Ого! – сказал Макар.

Фотограф улыбнулся и снова стал самим собой.

– О чем мы говорили?

– Вы уехали к другу...

– К Науму, да. Он как раз в тот год попал в больницу. Когда оглядываешься, всякий раз видишь цепь совпадений; кажется, выдерни одно звено – и все остальное рассыплется, прошлое изменится. Я не мог отделаться от мысли, что если бы Наум не заболел, все обошлось бы. Но на самом деле это самообман. Я вернулся, Володи уже не было.

– Просто исчез? – недоверчиво спросил Макар. – Ни записки, ни звонка?

– Ничего. – Герман посмотрел в окно невидящим взглядом. – Пропали кое-какие вещи, но, понимаете, даже в этом я не уверен. Он время от времени покупал себе что-то новое, мне все это казалось однообразным...

В соседней комнате звякнул колокольчик.

– Извините, я на секунду...

Фотограф скрылся за портьерой.

– Вытащи меня отсюда, – сдавленным голосом потребовал Бабкин.

Илюшин поднял бровь.

– Вытащи, сволочь!

– Я сам, заметь, в плену.

– По сусалам тебе замечу, – пообещал Бабкин.

– А кто советовал тебе остановиться, когда ты разожрался до сотни?

– Это мускулы!

– Пришло их время, – заверил Макар.

Фотограф вернулся, удивленно взглянул на Сергея.

– Вы что, пытаетесь записывать за мной?

– Мы ведь, кажется, договорились... – начал Илюшин.

– Нет-нет, я о другом. Разве вам удобно?

– Не особо, – признал Сергей.

Герман наклонился, протянул ему руку и рывком вытащил Бабкина из кресла.

– Простите, наша мебель... Сам-то я к ней привык. Подарок мецената с... э-э-э... причудливым вкусом.

– Эх, и силища у вас, – оценил Бабкин.

– Эти кресла любят почтенные матроны, – пояснил Герман. – Догадайтесь, сколько мужей из десяти вспоминает о радикулитной спине, когда приходит время выуживать своих супругов? Я годами работаю подъемным краном. И вы, хочу заметить, далеко не самый тяжелый груз.

– Давайте вернемся к Володе, – попросил Макар, с оскорбительной легкостью высвобождаясь из велюровых объятий. – Как вы объяснили себе его исчезновение?

Крохотная, почти незаметная пауза перед ответом.

– Я решил, что он от меня сбежал.

– Вы его часто наказывали?

– Мы ссорились. Ему исполнилось девятнадцать, он хотел... Я не понимал, чего он хочет. Грубил, кричал...

– Вы сказали, тихий мальчик, – напомнил Илюшин.

– Да, да... – Герман прижал ладонь ко лбу. – Володя менялся. Я иногда не узнавал его. Но войти в свой дом и почувствовать какое-то пугающее изменение... Будто он стоял перед камерой – и вдруг сделал шаг из кадра за миг до того, как я успел нажать на спуск, а у меня осталась фотография с концентрированной пустотой. Вы замечали: когда кто-то уходит от вас, пустота сгущается, несмотря на то, что это противоречит ее свойствам?

– Мне жаль, – мягко сказал Илюшин. – Герман, вы полагаете, Володя жив?

– Я в этом уверен.

– Он писал вам? Звонил? – Фотограф молча покачал головой. – Но ведь прошло уже двенадцать лет...

Герман горько улыбнулся – в точности как Борис Оводов.

– Я думаю, Володя меня просто забыл.

4

– Уже второй человек заявляет, что Карнаухов жив, – сказал Бабкин. – Однако парень как в воду канул и никаких сигналов с морского дна не подает.

– В случае с Оводовым это объяснимо: он в экзальтации. Притча о блудном отце тоже имеет право на существование, а других притч в его библии, по-видимому, не записано.

– Я сейчас сделаю вид, будто понял, что ты сказал. Но у Германа-то эта уверенность откуда?

Фотограф подтвердил, что после исчезновения племянника он написал заявление в полицию. В Беловодье Карнаухова называли именно так – «племянник Германа», и постепенно тот и сам стал так говорить.

– Я побеседую с местными, – сказал Бабкин, имея в виду полицию.

– А я пойду в народ.

Лучшее, что может сделать незнакомец, – предъявить правильные рекомендации. Репутация чужака поначалу всегда величина отрицательная. Зачем приехал? Не будет ли от него вреда? Если люди, глядя на тебя, начинают задаваться подобными вопросами, значит, первый ход был неверен. Рекомендации – еще не ключ, но уже дверь.

Илюшину требовался человек, обладающий большим авторитетом.

– Герман, кто у вас в городе главный?

Надо отдать должное фотографу: тот сразу понял, что речь идет не о властях, и задумался.

– Священник, может? – предположил Сергей. Они видели высокую белую церковь с зелеными луковками куполов.

– Отец Георгий? Да, в какой-то мере. Но его скорее любят, чем слушаются. Негласная власть у нас – Кира Гурьянова.

– Кто это?

– Директор двадцать первой школы. У нас их четыре, но если говорят «школа» без номера, не сомневайтесь: речь о ней.

Здание школы было старым. Илюшин предполагал увидеть типичную постройку советского времени («хоть что-то типичное в этом городе»), но вновь ошибся в своих ожиданиях. Перед ним была бывшая дворянская усадьба, к которой позже пристроили дополнительные корпуса, выглядевшие как бедные родственники на приеме у генеральской вдовы. Вместо регулярного парка вокруг раскинулся старый яблоневый сад.

Внутри было светло и пусто. Макар подергал двери кабинетов: открыты. Это уже было почти возмутительно. Лето, в школе никого – а они двери не запирают! Правда, из соседнего коридора доносились женские голоса. Заглянув в учительскую, Макар узнал, что Кира Михайловна уже ушла.

Ее дом стоял на первой линии, у обрыва. К реке вела длинная пологая тропа; у самой воды на песке лежала лодка, сверху похожая на дольку каштановой кожуры.

«Ч-ч-черт», – мысленно сказал Макар, когда ему открыли.

Город преподносил сюрпризы на каждом шагу.

А ведь он мог бы догадаться. Он побывал в школе, видел старинное здание, содержащееся в безупречном порядке. Многие думают, будто жилища похожи на своих хозяев: справедливо для квартир, но с домами все иначе. Это хозяева обретают сходство со своими домами, пропитываются их духом, принимают их образ.

Некоторые школы – это не что иное, как очень большие дома.

Женщина, стоявшая перед ним, выглядела непримечательной и запоминающейся одновременно; подобное парадоксальное сочетание Илюшин встречал и прежде и хорошо знал, что за ним скрывается человек незаурядный. Ее умный проницательный взгляд подтвердил его опасения.

Илюшин представился и сообщил о цели своего визита. От Гурьяновой во многом зависело, как его примут в Беловодье. Люди в маленьких городах редко любят людей из больших городов, поэтому он постарался придать себе легкий налет провинциальности.

– Вы ищете Володю Карнаухова? – недоверчиво переспросила она. – Прошло двенадцать лет!

– Большой срок, – согласился Макар. – Я надеюсь, в вашем городе нам помогут.

Ее взгляд сделался задумчив.

Илюшин молчал, понимая, что любое слово может сработать против него.

– Пойдемте выпьем чаю.

Следуя за ней, он размышлял о том, хочет ли Кира Гурьянова чаю, выполняет ли долг гостеприимства или пытается выиграть время.

– Что сообщил вам Герман? – спросила она, расставляя чашки.

– Исчезновение Володи стало для него серьезным ударом, – уклончиво сказал Макар.

Воздух в доме пропах луговыми травами и полынью; аромат разносился свежий, словно поле было в соседней комнате.

– У него есть предположения?

– Герман думает, что Володя сбежал.

Гурьянова кивнула.

– Он в последнее время расспрашивал меня о больших городах – Володя, не Герман. Москва, Петербург... У меня сложилось впечатление, что ему давно уже тесно в Беловодье, но либо он стеснялся прямо сказать об этом, либо дядя возражал против его отъезда.

– Они с Германом ссорились?

Гурьянова сделала неопределенный жест:

– У них не всегда ладилось. Двое мужчин в одном доме, один из мальчика превратился в юношу...

– У Володи была девушка?

– Мне об этом не известно. Нет, думаю, что нет: он был слишком занят работой. Герман за много лет создал новую моду: люди фотографируются семьями по каждому мало-мальски значимому поводу. Уже нельзя представить, чтобы кто-то отмечал день рождения и не отправился в фотоателье. Понятно, что он руководствовался своими интересами, но в итоге это превратилось в традицию, очень милую городскую традицию. Его приглашают снимать все праздники, свадьбы, Дни города – кстати, он будет скоро. Поверьте, Герман не сидит без работы, и у Володи было не так много свободного времени, как ему хотелось. Может быть, он устал.

– У вас есть предположения, где он мог осесть?

– Ни малейших.

– Почему его не видели в автобусе, если он действительно уехал? – наугад спросил Илюшин.

Выстрел попал в цель: Гурьянова нахмурилась.

– Володя мог пойти пешком.

Макар выразительно посмотрел на нее.

– Расстояние приличное, – признала директриса, – но во-первых, после поворота на трассу его наверняка подобрала машина, а во-вторых, если он хотел скрыться от Германа, это был самый разумный вариант.

Илюшин сомневался насчет самого разумного варианта, но возражать не стал. Его что-то тревожило; он чувствовал, что упустил крохотную деталь, которая была важна.

– Как бы вы описали его, Кира Михайловна?

Она ненадолго задумалась.

– Как ни странно, Володя был чем-то похож на Германа. Он не подражал ему осознанно, был простым, довольно милым подростком... Добрый, отзывчивый. Как-то в разговоре я пожаловалась, что моему подопечному нечего носить, и он на следующий день принес свои старые вещи. Помогал делать мелкий ремонт в школе. Честно говоря, Володя был не самой заметной фигурой в Беловодье. Когда он только появился, о нем везде говорили, потому что знали, как трагически он осиротел, но Володя очень быстро стал... я бы хотела сказать «своим», но, скорее, неотъемлемой частью пейзажа. Кстати, у Германа без счета фотографий: на них видно, что Володя выглядел намного младше своего возраста. Совсем как вы.

Илюшин вздрогнул и уставился на Гурьянову.

– Совсем как я?

Директриса пожала плечами:

– Учителя умеют определять возраст.

«Не учителя умеют, а ты умеешь». Илюшин был зол на себя: он пропустил удар и теперь от неожиданности не мог собраться с мыслями. Гурьянова сочувственно наблюдала за ним.

– Где вы остановились?

– У Маргариты... Не помню отчества. Желтый дом с синим палисадником.

– А, Рита Скворцова. Чудесная женщина, вам повезло. Если она согласится приготовить для вас свой фирменный яблочный пирог... Его одного достаточно, чтобы у вас остались теплые воспоминания о нашем городе.

Илюшин понял, что разговор окончен. С мягкой решительностью его выставляли из дома и из Беловодья.

– Спасибо, Кира Михайловна. – Он поднялся. – С кем, по-вашему, общался Карнаухов, кроме Германа?

– Пожалуй что ни с кем... Разве что был такой Сеня Крамник, мальчик его возраста, жил неподалеку, но они с отцом пару лет назад переехали в Чехию, к родственникам. Не уверена, что он оставил новый адрес или хотя бы телефон.

Когда гость ушел, Гурьянова достала из кармана мобильный.

– Встретиться нужно, – сказала она, не здороваясь. – Срочно.

5

– Ты не поверишь! – Бабкин стянул футболку и швырнул ее на стул. – Они отказались со мной разговаривать.

Он был зол, как может быть зол бывший оперативник, обнаруживший, что для провинциальной полиции его принадлежность к тому же профессиональному сословию значит не больше, чем муха в стакане. Он мимолетно отметил, что сравнение получилось довольно странным, но в следующую секунду понял, что как раз таки набрел на исключительно верный образ. Люди, с которыми ему пришлось общаться, производили такое впечатление, будто каждый из них не задумываясь выпил бы пиво с мухой. Они просто не придали бы значения этой мелочи.

– Впервые в жизни вижу таких скудоумных, тупоголовых, безмозглых...

Бабкин обнаружил в своей памяти богатые залежи синонимов слова «придурок».

– Должен же быть в этом городе какой-то изъян, – заметил Макар. – Может, они агрессивны только к приезжим, а, вернувшись с работы, называют жену своей пушистой заей и плачут над хромыми котятками...

– Буэ!

– В чистом беспримесном подлеце есть что-то подкупающее, – согласился Илюшин. – Слюнявая сентиментальность – как ложка дегтя в бочке дерьма. Тебе совсем ничего не удалось из них вытянуть?

– Герман действительно написал заявление о пропаже Карнаухова. Все эти хмыри обосновались там давно и помнят эти события. Но в остальном – слепая зона. Мы даже не знаем, велись ли следственные действия.

– Что ты сам думаешь?

– Если бы ты видел их задницы, то понял бы, что они крайне редко отрывают их от стульев. Веришь – вот такие хари! – Бабкин показал руками небольшого бобра. – А что с директрисой? Макар!

Илюшин невидящим взглядом смотрел в окно. Сидела, сидела заноза в памяти, хотя он дважды перебрал весь разговор, и покалывала при каждой мысли о Гурьяновой.

– Илюшин!

– А? Что?

– Я говорю – встреча твоя как прошла?

– В целом Гурьянова подтверждает то, что рассказал фотограф, – задумчиво сказал Макар.

– Тебя что-то смущает в ее словах?

– Пока сам не пойму. Карнаухова она описывает как славного тихого паренька; говорит, ничем не выделялся. Каждая ниточка, за которую я пытался дергать, обрывается в руках. Друг-подросток уехал, и связь с ним утеряна. Девушки не было. В рейсовом автобусе его не видели.

Человек-невидимка наш Карнаухов! – Он раздосадованно щелкнул пальцами. – И еще что-то фонит.

– В каком смысле? – насторожился Бабкин.

– Если бы я знал! Чисто по Эдгару По: письмо положили на видном месте среди бумаг, а я его не замечаю.

– Попробуй рассказать, – посоветовал Сергей. – С самого начала. Ты подошел к двери...

– Постучал. – Илюшин сосредоточился, поднял руку. – Там был звонок, кстати... Открыли через минуту. Высокая, лет пятидесяти, очень... м-м-м... примечательной внешности.

– Чем?

– Сочетанием несочетаемого. Черты, на первый взгляд, совершенно невыразительные, с фотороботом пришлось бы помучиться, при этом лицо дышит большой внутренней силой. Умная. Наблюдательная. Скрытная. Поздоровалась, выслушала мое объяснение. Удивилась... Стоп!

Илюшин обернулся к напарнику:

– Нашел! Когда я сказал, кого мы ищем, Гурьянова отреагировала незамедлительно: «Двенадцать лет прошло». Обычно люди говорят: «Это было, кажется, лет десять назад, или нет, одиннадцать... нет, все-таки десять». Единственный, кто мог держать в уме срок, – Герман.

– Быстро считает? – предположил Сергей.

– Не было ни секунды задержки. Ни одной! Зачем ей помнить, сколько лет назад незаметный юноша уехал из города?

Дверь приоткрылась.

– А ведь у меня там пироги с мясом стынут, – укоризненно сказала хозяйка, обращаясь исключительно к Сергею. Сегодня на ней был сарафан, который любитель пышных форм назвал бы соблазнительным, а ревнитель нравственности – непристойным. Бабкин забеспокоился.

– Рита, – позвал Илюшин. – Вы помните племянника фотографа?

– Володеньку? Искали мы его, бедного – все впустую. Я наш лес знаю плохо, но пошла со всеми, очень уж его жалко было.

– Разве он не уехал из города? – осторожно спросил Макар.

– Куда ему ехать? – изумилась хозяйка. – Мать его, упокой ее Господь, умерла. – Она перекрестилась. – Другой родни, кроме нашего Германа, не было. Они с ним душа в душу!

– А не ссорились?

– Откуда! Оба спокойные, слова злого не услышишь. Да нет, заблудился он, это все знают. Ох, наревелась я тогда...

Она утерла выступившие слезы.

Макар бросил выразительный взгляд на Бабкина.

– Рита, с кем еще можно поговорить про Володю? – спросил Сергей, стараясь, чтобы голос его звучал сочувственно, но в то же время без малейшего намека на нежность.

– С Жегалиным, – не задумываясь, ответила она. – Они какое-то дело затеяли, я их вместе видала. Как раз незадолго до... Ох, нет, простите, не могу!

Она метнулась в коридор, и из-за двери донесся безутешный плач. Бабкин тяжело вздохнул.

Дверь снова приоткрылась.

– А пироги-то, пироги мои! – всхлипнула заплаканная Маргарита. – Надо кушать, Сереженька, пока не остыло.

6

– Толик, – представился, шмыгнув, Жегалин и протянул руку сначала Бабкину, потом Илюшину.

Было ему на вид лет семьдесят с небольшим, и даже человек, чуждый физиогномики, безошибочно определил бы, что примерно шестьдесят из них Жегалин пьет. Он был тощ и обуглен, как жареный выюн, одет в длинную, до колен, майку без всяких признаков цвета, а что касается остальной одежды, то Бабкин решил после краткого осмотра, что старикан предпочитает естественную вентиляцию.

– Курим? – деловито спросил Жегалин, глядя на него.

«Сразу сообразил, к кому обращаться», – отметил Макар.

Сергей протянул ему пачку. Толик с неожиданной щепетильностью выбил лишь одну сигарету и вернул остальные.

– Да вы угощайтесь, Анатолий...

Старик отрицательно качнул головой.

– Вы по делу пришли. Чего балаболить! Землю будете покупать или как?

– Эм-м-м... – неопределенно высказался Макар.

– Даром не отдам, – предупредил Жигалин. – Дешево тоже не отдам. У меня тут дислокация исключительная: машин не слышно, даже церковный колокол не мешает.

Бабкин еще раз окинул взглядом Жегалина и понял, что лучше обойтись без долгих вступлений.

– Толя, ты Володю Карнаухова помнишь?

– Так вы по его душу, что ли? – удивился тот. – Он помер давно! Я на него, покойничка, зуб имею: сглазил он мне земельку, с тех пор у меня фиаска за фиаской.

– Как это – сглазил? – не понял Макар.

– Ну как-как. Торговал мое хозяйство, да не купил, помер раньше времени.

– Карнаухов хотел приобрести у тебя дом?

– И дом, и десять соточек, а я бы под Тулу уехал, у меня там дамочка одна знакомая овдовела. У женщины материнский инстинкт, ей ухаживать надо за живой душой! А я ж как Лаврентий Палыч – цветок душистых прерий. Оросил меня заботой и лаской – я тебе и пахну, и глаз радую. Только она малехо вредная, к себе не пустила. А рядом, говорит – живи, что ж, я разве запрещаю. Надо понимать, фасон держит, а сама влюбилась как кошка. Пылкая! Я видал таких. – В голосе его прозвучала небрежная гордость шаха, сменившего третий гарем.

– Карнаухов, – напомнил Бабкин, с которого на сегодня довольно было знойных женщин.

– Я тебе разъяснил: помер он! Утонул.

– Как утонул? – быстро спросил Макар.

– Как в реке тонут? Молча. Нет, ты скажи, а куда ему еще было деваться? В лесу искали, но в лес он отродясь не совался, трусил. А искупаться – это запросто. Жара стояла страшная, у меня с того года лысина: волосню выжгло начисто, как траву под палом. А какая была куа-фюра! – Он наклонил голову, будто собираясь боднуть Илюшина, и похлопал себя по макушке.

– Может быть, он уехал, – заметил Макар, игнорируя лысину.

Жегалин выпрямился так резко, что покачнулся.

– Уехал? Соображалка у тебя уехала! Мы с ним по рукам ударили! Он с деньгами обещал вернуться. Я бумажки все приготовил, свидетельство там, выписки. Чуйка меня, слышите, ни разу не подводила!

– Если он утонул, почему не нашли одежду? – спросил Сергей.

Старик задумался.

– Тут такое дело, – сказал он наконец. – Река наша... нет, хорошая река, ничего не скажу! Чистая, и рыбы в ней, если выше подняться, где течение потише, – полно рыбы-то. – Он опасно огляделся, словно кто-то мог их подслушивать, и понизил голос. – Но вот если под нашим обрывом, или еще хуже – там... – Жегалин неопределенно махнул рукой. – Там пороги. Камни такие, что если об них шарахнет, то не пловца выловят, а фарш. Были уже... эпизоды. Тряпкой проверяли: с нашего берега кинули красную, внизу прибило бесцветную. И волна. Набегает, и... в общем, без добычи не уйдет. И детишки у нас, бывало, тонули, и лодки переворачивало. А уж Володькину одежду слизнуть – тьфу, плевое дело. Целого пацана, слышь, унесло на глазах у почтальонши, а тут майка с шортами... Это ей как перышко.

– Кому – ей? – не понял Макар.

– Реке.

Настроение у Жигалина испортилось. Сергей пытался вывести еще что-нибудь, но старик сделался хмур и неразговорчив.

– С кем еще можно поговорить? – сдался Бабкин.

– Есть тут одна... фурия.

...Об ноги Гурьяновой потерялся черный кот и запрыгнул на соседний стул, намереваясь дотянуться до блюда с печеньем.

– Дуся, перестань. – Кира шлепнула его по лапе. – Вера Павловна, отвлекитесь от своих цветов, ради бога. Нам нужно придумать, как выдворить его из города. Чем быстрее, тем лучше, пока он что-нибудь не пронюхал!

– Может, вовсе его убрать? – усмехнулась Шишигина. На подоконнике цвела прекрасная пунцовая герань; она потыкала в высохшую землю и нахмурилась.

– Вам бы все шутить, – озабоченно сказала директриса. – Вы не видели этого человека, а я имела с ним получасовую беседу. Не рискну утверждать насчет мужчин, но женская часть города расскажет ему даже то, о чем он не спрашивал.

– М-да, не видела, конечно... – пробормотала старуха. – Светловолосый прохиндей с ручной гориллой?

– Что?

Гурьянова быстро подошла к окну. По дорожке к дому приближались Макар Илюшин и Сергей Бабкин.

– Господи, а это еще кто с ним?

– Киллер, должно быть. Будут меня, бедную старуху, подвергать мучительным пыткам...

– Если подвергнут – огрейте его линейкой по затылку, – отрезала Гурьянова. – Вам не привыкать.

Всего десять минут спустя тяжелая дверь распахнулась, выпуская сыщиков на улицу. Бабкин закурил и выразился в адрес Жегалина неодобрительно.

Женщина, к которой посоветовал обратиться старый пьяница, оказалась костлявой ведьмой со взглядом птицы марабу, открывшей, что можно питаться не только падалью. Сперва Сергей обрадовался. Старуха, похоже, была из тех, для кого наблюдение за жизнью соседей заменяет кроссворды, чтение, телевизор и аквариум. Но вскоре стало понятно, что ум Шишигиной, когда-то, несомненно, ясный, теперь работал вхолостую, рождая миражи и плутая среди них, как заблудившийся в пустыне.

Фото Карнаухова не вызвало у нее интереса.

– Все не знаю этого молодца... – Она закричала, когда наклонилась через стол, чтобы вернуть карточку Макару. В ее движениях хорошо заметна была заостренность, присущая малоподвижным пожилым людям. – Я ведь всех помню... Коленька жил у нас, его еще по

телевизору часто показывают, и этот, как же его, господи... с усами такой, представительный мужчина... политикой заведует... Всех я воспитала, вот этими самыми руками...

Она умиленно поцеловала свою правую ладонь, свесила голову на грудь и задремала.

Бабкин встал, недоумевая, отчего задерживается Макар. Но тот разглядывал кота, появившегося на втором этаже: огромного черного зверя, в котором меньше всего можно было бы заподозрить существо, согласное делить с человеком кров. Кот был неприятен даже изда-лека. Более того, издалека же было ясно как день, что и они коту тоже крайне неприятны.

– До свиданья, Вера Павловна, – вежливо сказал Макар. – У вас дивное каланхоэ на подоконнике. А эти жучки на нем постоянно живут?

Старуха резко обернулась и озабоченно вгляделась в цветок.

– Каланхоэ, каланхоэ, каланхоэ! – завывала она, словно вызывала демона. – Это где-то между Ленинградом и Москвой...

– ...Сволочь наш Толик, – буркнул Сергей, остановившись под раскидистым каштаном. – Бабуся в деменции, а мы к ней, значит, с задушевыми разговорами!

Илюшин усмехнулся.

– Ну, и чего лыбимся? – раздраженно спросил Бабкин.

– Заметил, что случилось, когда она испугалась за цветы?

– Ты о чем?

– Как нагнуться над столом, так мы кричим и трескаемся по шву, – удовлетворенно сказал Илюшин. – А как совиное скручивание корпуса, так ни одна косточка не хрустнула.

– Намекаешь, что старая ведьма меня одурачила? Брось! Она собственное отражение не узнает в зеркале.

– Хвост у кота был очень характерный, – усмехнулся Макар.

– Хвост? – Бабкин заподозрил, что Илюшин издевается.

– Стоит вертикально, как флажок. Ни разу не видел кошек, которые не выражали бы таким образом дружелюбие. У них на этом флажке поднят невидимый флаг: «Счастливы вас видеть». Думаешь, это кот нам адресовал?

– Я бы сказал, нам он хочет выпустить кишки, – пробормотал Бабкин.

– Вот именно. Он радовался кому-то другому, а когда заметил гостей, насторожился.

– Ты пытаешься доказать, что наверху кто-то был. Ну, допустим. И что? Сиделка заправ-ляла кровать.

– И пахла полынью, – кивнул Илюшин.

– Э-э-э... почему бы и нет? – Бабкин вспомнил горьковатый свежий аромат, удививший его.

– Полынью пахнет в доме Гурьяновой. Готов поспорить на твой обед: во-первых, старуха ломала комедию и даже не слишком скрывалась – вспомни каланхоэ, во-вторых, предупредила ее именно директриса.

Бабкин повернулся спиной к дому и покачался с пятки на носок, сложив руки на груди.

– Макар, в окне кто-то есть?

– Если и есть, прячется за занавеской. А что?

– Меня не оставляет чувство, что за нами...

Раздалось потрескивание, и на землю с каштана, едва не задев Макара, спрыгнула дев-чонка. Треск сменился громким хрустом – слишком громким, с точки зрения любого здраво-мыслящего человека, находящегося под старым деревом.

Прежде чем кто-то успел пошевелиться, Бабкин сделал три вещи.

Схлопнул все мысли в своей голове.

Правой рукой схватил за шкуру Илюшина, левой девчонку.

С силой дернул на себя.

На ногах он, конечно, не удержался, и все трое повалились на траву. Секунду спустя на то место, где они стояли, грохнулась прогнившая ветка обхватом с человека.

– Вот черт, – сказал Илюшин, ошарашенно крутя головой.

Бабкин вскочил. В кулаке он прочно сжимал воротник джинсовой куртки, внутри которой болталась девчонка. На ее несчастье, куртка была застегнута и выскользнуть из нее никак не получилось бы.

– Пусти меня! Пусти!

Сергей вытянул руку, чтобы рассмотреть виновницу происшествия и не попасть под удар маленькой кроссовки (девчонка брыкалась, точно взбесившийся осел), и едва удержался от восклицания.

Мелкая, тощая, гибкая, как ящерица. Ни грамма бледности, ни капли русалочьей прозрачности, что бывает свойственно рыжим детям, – саламандра, впитавшая пламя костра и черноту головешек. Всклокоченная копна безобразно спутавшихся волос стояла дыбом и ошеломляла оттенком рыжего, подобного которому Бабкин не видел в живой природе. Возможно, подумал он, если покрасить хной лису... Волос было больше, чем девочки. При некоторой доле воображения можно было представить, что в образе худосочного ребенка им явился извергающийся вулкан.

С чумазого личика на Бабкина уставились раскосые глаза.

– Отцепи свою дурацкую руку!

– Ты кто такая и зачем подслушивала? – Сергей тепло относился к детям, но для тех, которые пытались, пусть даже невольно, искалечить его напарника, делал исключение.

– Я! Кому! Сказала! Убери!

В воздухе замолотили расцарапанные грязные ноги.

– Бесполезно, – подал голос Макар. – Он в прошлой жизни был капканом на мамонтов.

Несколько секунд пленница переваривала новую информацию.

– Ну! – потребовал Сергей. – Как тебя зовут?

Девчонка, похоже, смирилась.

– Лиза, – недовольно сказала она.

– Не ври, – фыркнул Макар.

– Даша!

– Еще смешнее.

– Настя!

– Кто-то на досуге читал перечень самых популярных имен. Или просто вспоминает своих одноклассниц, начиная с первой парты.

Она притихла.

– Ладно. Извините. На самом деле меня Кирой зовут.

– Кирой, – скучающим голосом сообщил Макар, – зовут твою директрису, которая сейчас наблюдает за нами из окна – без малейшей, заметь, попытки вмешаться, что многое сообщает нам о твоём характере.

Судя по изумлению, отразившемуся во взгляде девчонки, ей раньше не приходилось встречаться с подобным противником.

– Аня, – осторожно проговорила она.

Илюшин немного подумал и сморщил нос.

– Вряд ли. Сестру твою так зовут или тетку... Может, мать. Но не тебя.

– Сдалось вам мое имя!

– Естественно, сдалось, – удивился Макар. – Иначе тратили бы мы на тебя столько времени!

– Марта я! – рассерженно выкрикнула она.

– Да, – сказал Илюшин, помолчав. – Пожалуй, что так. Я – Макар, это – Сергей.

Бабкин разжал пальцы. Девчонка одернула куртку и торопливо расстегнула пуговицы.
– А теперь, Марта, объясни... – начал он.

С быстротой кузнечика девчонка отскочила к дороге, схватила ком земли и швырнула в Сергея. Тот уклонился, и двести граммов мокрой дорожной пыли достались Илюшину.

– Ты! – крикнула Марта, на ходу изобретая ужасное оскорбление. – Ты! Глыба с жопой! Бабкин сделал шаг, и девчонку как ветром сдуло.

– Вот бесявка!

Он обернулся к Илюшину, удивленно покачивая головой, и обнаружил, что тот смотрит на него зачарованно.

– Ты чего, Макар?

– Глыба с жопой, – прошептал Илюшин с восторгом человека, только что откинувшего крышку сундука с драгоценностями.

– Даже не думай, – предупредил Бабкин.

– До чего образное сравнение...

– Макар!

– А ведь если посмотреть правде в глаза... особенно если зайти, так сказать, с тыла...

В следующую секунду он увернулся, и еще пять минут ему пришлось уворачиваться, пока он не рухнул в изнеможении на траву.

– Ну, Серега, ты и лось...

– Лосем можешь звать, – разрешил Бабкин. – А теперь слушай сюда: есть рабочая версия. Я почти убежден, что она верна.

7

Они опросили еще двенадцать человек. Илюшин беззастенчиво сослался на Гурьянову, пока слава не успела его опередить, и к ним отнеслись с доверием.

– Чувствую себя как сын лейтенанта Шмидта, – ворчал Бабкин, пока они шли по дороге.

– Его не побили – и нас не побьют, – успокоил Макар.

– А если перед нами закроются двери лучших домов Парижа?

– Войдем с черного хода.

Каждый новый свидетель, сам того не зная, выдергивал из канвы рассказа Германа ниточку за ниточкой, пока она не рассыпалась окончательно.

Фотограф солгал. Здесь, где почти вся жизнь протекала на виду, невозможно было утаить ни ссор, ни размолвок. Герман даже голоса на Володьку не повышал, говорили люди. То же самое Бабкин с Илюшиным слышали от тех, кто фотографа недолюбливал. В их глазах шлейф грехов тянулся за Германом, и главный из них был – непомерные цены. «Нынче каждый шелк-нул на телефон свою рожу – и купидон, а с меня пятьсот рублей содрал!» – ярился низкорослый мужчина, имевший с купидоном ту же степень сходства, что оперенная стрела с туалетным ершиком. Однако и он не смог упрекнуть фотографа в плохом отношении к Карнаухову. «Кто лаялся? Они лаялись? Брехня! Черных – тряпка. Не слышал, чтобы он на кого огрызнулся».

Все в один голос твердили, что Карнаухов любил Беловодье и хотел остаться.

– Я вижу так, – сказал Бабкин, когда они остались одни. – Пацан собирался свалить от Германа. Тот узнал об этом и слетел с катушек. Пятнадцатого или шестнадцатого июля Карнаухов пропадает, в это время Герман, по его словам, находился в Кургане у больного друга. Уехал он туда... – Бабкин сверился с записями. – Десятого числа. Значит – что? Все спланировал, купил билеты, спрятался, выждал. Убил племянника. Тело спрятал, деньги забрал. Шанс найти останки, если оценивать ситуацию трезво... не ничтожный, но небольшой, разве что Герман сам укажет точное место. Помнишь, он замялся, когда мы спросили его о причине исчезновения?

Илюшин молча кивнул.

– Ничего не подтверждает версию об отъезде, – продолжал Сергей. – Одни ползают по лесам в поисках тела, другие убеждены, что бедняга утонул, и только Герман заявляет, что парень решил покорять Москву. Странно, что директриса ему подпевает... У них связь?

– Скорее всего.

– Какие еще могут быть варианты?

– Допустим, помогала убивать. Или подсмотрела, как все произошло, и с тех пор вытягивает из Германа деньги. Хотя мне трудно представить эту женщину в роли мелкой шантажистки, знавшей об убийстве.

– Ну, я-то ее не видел, – пожал плечами Сергей.

– Что скажешь о мотиве?

– Или деньги, или они были любовниками.

Бабкин видел, как в парах такого рода, вынужденных скрываться годами, раздражение накапливается исподволь, пока нарыв не прорвется; нет ничего удивительного, если, узнав о разрыве, Герман решил убить юношу.

Он пролистал блокнот.

– Друга зовут Наум Рудинский. Спасибо Герману, мог выбрать в приятели и Сашу Попова.

– Отправляйся в Курган, – сказал Илюшин. – Попробуй проверить алиби. Двенадцать лет... Мало кто обладает достаточно цепкой памятью, чтобы хранить в голове даты настолько давних событий. Если Рудинский не сможет рассказать ничего внятного, боюсь, придется сворачивать расследование.

– А ты чем займешься? – Бабкин открыл сайт железных дорог.

– Пока не решил.

Что-то в голосе напарника заставило Сергея отвлечься от расписания поездов.

– Макар?

Илюшин молчал.

– Макар!

– Меня не оставляет ощущение, будто мы сидим перед расшитым занавесом в полной уверенности, что это и есть представление, – неохотно сказал Илюшин.

– Во всех небольших городах существует тщательно скрываемая жизнь...

– Здесь что-то другое.

Он не стал говорить, что у него плохое предчувствие. Вопреки видимым порядкам, багаж всегда остается тому, кто стоит на перроне, а уезжающий должен путешествовать налегке.

Глава 4

1

Семьдесят пять лет.

Допустим, так: кримпленовый костюм на бракосочетание внучки, варенье из крыжовника, толстая бывше-бездомная кошка Марыся, конфетная вазочка, в которой не переводятся мармеладные дольки.

Или так: привычная вонь фенола, бахилы, забытые медсестрой, незастеленная кровать. «Катя, подай воды...» – «Бабушка, я Дина».

Или так: сердечный приступ. Коротко и ясно. Не имеет значения, что было до него – кримплен или бахилы.

Шестеренки в голове Никиты Мусина, обильно смазанные ненавистью и страхом, проворачивались все быстрее.

Где и как?

С первым ясно: в ее доме. Двухэтажная деревянная развалина, шишигинский ковчег, в который старуха пустила единственную тварь, далеко не божью: громадного черного кота, хтоническое чудовище, выгнанное из ада. Левый бок у кота был расплосован, словно по нему провезли граблями, правая сторона – для симметрии – пугала слепым провалом на месте глаза; оставшийся был прищурен, как у Шишигиной. Старуха и кот были похожи, как счастливые супруги, долго прожившие вместе. По ночам зверь гнусаво орал, вызывая дьявола, и, кажется, чертил хвостом пентаграмму в лотке. Вера Павловна звала его Дусей.

Далее: способ. Огонь не годится. Значит, смерть от естественных причин.

Никита бывал в старухином доме вместе с отцом, который то ли что-то одалживал у Шишиги, то ли спрашивал совета: на удивление многих из бывших учеников не отпугнул ее скверный характер. Ему запомнилась крутая лестница, ведущая на второй этаж, а под ней – неосвещенный угол, забитый барахлом.

Спрятаться.

Дождаться.

Ухватить ее лодыжку и дернуть.

Смотрите, уважаемые зрители, и не говорите, что вы не видели!

Вот она ковыляет вниз со второго этажа. Китайские тапочки скользят по ступенькам, отполированным бесчисленными спусками и подъемами, и тяжеловесная Шишига обрушивается, как низвергнутый идол.

Старухи такие хрупкие!

Тот, кто решил бы, что Никита Мусин задумал убийство, был бы не прав. Никита лишь хотел, чтобы из механизма реальности, который неожиданно оказался ему подвластен, изъяли сорванную гайку, потенциальную виновницу неисправимой поломки. Поступки с последствиями переплетались замысловатым образом: Шишигина оскорбила его – и потому упала с лестницы. Он дернул ее за ногу – и потому его звезда взошла над Беловодьем.

Он был ремонтником, если хотите. Наладчиком реальности.

Никакого убийства.

...Ему не пришлось карабкаться через боковое окно, довольно высоко расположенное для первого этажа и к тому же защищенное колючим боярышником. Задняя дверь оказалась приоткрыта и заложена брусом – неожиданный подарок, дружеское подмигивание фортуны.

Никита беззвучно вошел, прокрался через длинную комнату. Сквозь задернутые шторы солнечный свет просачивался тонкими струйками. Угол под лестницей напоминал свалку, утрамбованную в пространство объемом два кубометра. Он втиснулся между двумя коробками, постоял, дыша пылью...

Страх не было. Было волнение, как перед контрольной. Сдаст – не сдаст? Мысль о том, что старуха после падения останется жива, отчего-то совершенно не беспокоила, как будто и на этот случай существовал план, до некоторого момента скрытый даже от него.

Шишига ходила наверх. Слышимость была отменная, и когда старуха села на кровать, тягуче заскрипело над ухом, словно дерево качнулось в лесу.

Никита высунулся из своего угла, потянулся вверх, схватил воображаемую лодыжку и рванул на себя – точно пловец, вынырывающий из воды за мячом.

Он настроился на долгое ожидание, но вскоре на втором этаже закричали – не понять было, человек или вещь издает такие звуки, и от этого Мусин вдруг ужасно обрадовался: да ведь она сама уже почти предмет, ветхий гардеробный шкаф, в котором обитают лишь моль и короеды. Он уронит шкаф! Никита зажал себе рот ладонью, чтобы не хихикнуть.

Идет! Он подобрался, считая ее шаги. Ступенек всего двадцать, на середине он ее сдернет.

Шесть.

Пять.

Четыре.

Три.

Никита приготовился.

Два.

Один.

– Вера, ты здесь?

Мусин присел так резко, что прикусил язык.

– Вера!

– Не дери глотку, Илья, я тебя слышу...

Одна, две, три, четыре, пять ступенек, чьи голоса звучали теперь не прелюдией к ее смерти, а издевкой над Мусиным, скрючившимся в углу: Шишигина шла навстречу гостю. Никита не видел его, только чувствовал новый запах – животный, грубый.

– Ну, что стряслось?

– Он ногу распорол, – хмуро сказал гость. – Наступил на что-то, не знаю... Перловица вроде.

– Перловица?

– Ракушка такая. – Гость поставил ударение на первую «а».

– Он появлялся на берегу? – В голосе старухи прозвучало изумление, смешанное с ужасом.

– Я в Ткачиху ушел за продуктами, ему скучно стало. Пошел к воде. Он лес хорошо знает, не боится.

– Так привязывай его, черт побери! – повысила голос Шишигина. – Ты соображаешь, что будет, если он попадется кому-нибудь на глаза?

Молчание.

– Сыворотка от столбняка нужна, – хмуро сказал гость.

– Дьявол вас всех раздери... – Старуха опустила на стул. – Где я тебе возьму сыворотку?

– Не к медсестре же мне его везти.

– Да уж... Ладно, возвращайся. Я что-нибудь придумаю.

– Когда?

Гость спрашивал настойчиво, даже грубо. Мусин ожидал, что старуха его выгонит, но та и сама была встревожена.

– Завтра, в крайнем случае. Постараюсь сегодня.

– Постарайся, Вера Павловна...

Они помолчали.

– У нее все хорошо? – Никите показалось, что мужчина выдавил это через силу.

– Иди уж, Илюша, – мягко попросила старуха. – Все в порядке. Случись что, я бы тебе рассказала.

Прозвучали тяжелые шаги, и все стихло.

Шишигина ушла в другую комнату, кому-то звонила и договаривалась о встрече. Никита мог бы уйти незамеченным, но теперь, когда он уловил самый манящий аромат на свете – аромат чужой тайны, – он не выбрался бы из своего угла даже под угрозой разоблачения. Где тайна, там власть. Держать Шишигину на ниточке, заставить ее покаяться на глазах всего города... Он вообразил эту картину и зажмурился. В миллион раз лучше ее смерти!

Уверенные шаги на дорожке, негромкий стук в дверь – тот, кто явился следом за первым гостем, предпочитал парадный вход и не боялся быть замеченным.

– Входите!

– Добрый день, Вера Павловна.

Этот голос Мусин не спутал бы ни с каким другим.

Собственно, не было ничего удивительного в том, что бывшая директриса и нынешняя общаются и ходят друг к другу в гости. Дружат – дерзкое слово. Вряд ли вообще кто-то в целом городе способен – читать, достоин – дружить с Шишигиной. Но если старая ведьма и выделяла кого-то из всех горожан, то Гурьянову.

– Кира, идите сюда, – позвала Шишигина из кухни.

Это Никиту совсем не устраивало. Голос у Киры Михайловны четкий, но негромкий; он не услышит и половины разговора. Бранясь про себя, он выбрался из-за коробок, чувствуя себя бабочкой, расправляющей смятые крылья после тесного кокона и резонно опасавшейся стать обедом для зоркой птицы.

– Поранил ногу? – переспросила Гурьянова.

– Ступню порезал ракушкой. Илья залил рану йодом, но этого недостаточно. По телефону я побоялась сказать...

Обе женщины вдруг заговорили шепотом.

– ...эти убийства... – донеслось до Никиты.

Он дернул ногой и едва не уронил прислоненную к стене картину.

– Я возьму сыворотку у медсестры, укол сделаю сама. – Гурьянова вернулась к теме разговора. – Попрошу Воркушу сегодня же перевезти меня...

– А как объясните?

– М-м-м... Кто-нибудь заболел в деревне, хочу встретиться...

– Кира, не годится.

– Да, вы правы. Собственно, Воркуша мне не нужен, я и сама переправлюсь. Придумать бы только какую-то версию, если заметят и спросят... Ничего в голову не приходит, как назло. Но с этим не должно возникнуть проблем.

Мусин понял, что имеет в виду Гурьянова.

Первое, что сделала нынешняя директриса, приехав в Беловодье, – купила небольшую лодку с мотором. Тогда она была еще никакой не директрисой, а никому не известной учительницей, о которой если и судачили, то в единственном аспекте: какого черта столичная дамочка забыла в их захолустье. Однако Гурьянова была из той редкой породы людей, которые ухит-

ряются сочетать в себе доброжелательность с замкнутостью. Тех, кто наседали на нее слишком напористо, она не осаживала, но в какой-то момент переставала отвечать на вопросы. Стояла, улыбалась, молчала. Неприязни и демонстративности в этом было не больше, чем в цветении пиона. Казалось, Гурьянова ненадолго вынырнула из своего естественного безмолвия, а теперь вернулась обратно.

Все это вместе производило неожиданно сильное впечатление.

– Хорошо, предположим, все получится. А с медсестрой? Кира Михайловна!

– Что? Да, медсестра... Я договарюсь. Придумаю про кого-нибудь из наших мальчиков – упал, поранился, боится показаться врачу...

– Только не про Гнусина, – хмыкнула старуха.

– Начинается!

– Слышали, что придумал этот сопляк?

– Мне говорили, что у вас с ним вышло недоразумение.

– Если макание мордой в его собственное дерьмо можно назвать недоразумением, – весело отозвалась Шишига.

Никита мысленно сжал тощую чешуйчатую шею старухи, подставил блюдечко под разинутую пасть и наблюдал, как с ее клыков сочится яд.

– Вы, Вера Павловна, как ребенок, – с досадой сказала Гурьянова. – Зачем понадобилось травить мальчика?

– Ненавижу детей!

– Не выдумывайте.

– Святая правда! Наконец-то могу себе это позволить.

– Вы не можете себе позволить этого не скрывать.

– Бросьте! Что они, негры? Это черномазых законом не любить запрещено. Хотя, будь моя воля, я бы тут организовала хлопковые плантации...

– Вера Павловна!

– Вы полагаете, он скромник с прибабахом. – Шишигина наклонилась к Гурьяновой. – А он умненький мерзавец! Червяк, но червяк острозубый, к тому же с присоской. Прозвище характеризует его удивительно точно. Поверьте мне, Кира Михайловна! Я видела множество детей. Дрянные попадают среди них чаще, чем принято думать, но знаете что? – они исправляются с возрастом. Посмотрите на Бялик...

– Вы сначала поймите Бялик, чтобы на нее посмотреть, – перебила Гурьянова. Сказано было с недовольством, но обе почему-то рассмеялись.

– Мне другое любопытно. Отчего все ухватились за этого Мусина, как за волшебную палочку?

– Кажется, я понимаю, – задумчиво сказала Гурьянова. – Все наши авторитеты – земные, обычные. И священник – простой человек. Из него лепили идола, но не срослось. Людям ведь нужно, в сущности, одно: чтобы Бог на них посмотрел. Вот они и цепляются за крыло ангела, хотят на нем подняться в небеса, как на лифте. А назначают ангелами всяких проходимцев, потому что нормальный человек, если обозвать его ангелом, шарахнется и убежит.

Старуха хмыкнула.

– Усложняете! Дуры они, и нечего тут разводить психологию. Если в голове не живут свои мысли, там будут жить чужие.

– Может, и так...

– Все талдычат: голубоглазый, голубоглазый! А у него глазки узкие, припухшие и цвета дорожной пыли. Восторженные идиотки заразны, милая моя. Помяните мое слово: месяц-полтора – и его назначат новым чудотворцем. Я не против, только сперва пусть пройдет через мытарства...

– Вера Павловна, я вас прошу, ну не ссорьтесь вы с тринадцатилетним мальчишкой.

– Хе-хе! Не самое плохое развлечение, доложу я вам! И смешно, и стыдно, но, знаете, успокаивает.

– Телевизор посмотрите, – посоветовала Гурьянова.

– Тьфу! Там одни симулякры. А тут – ух! Упырь своего разлива. Вызрел, миленький, как огурчик в теплице. Удивительные личности у нас рождаются раз в десять лет...

Старуха осеклась, будто внезапно лишилась языка. Молчание длилось и длилось, и Мусин, не удержавшись, выглянул из-за двери.

Две женщины смотрели друг на друга, и на лицах у них был страх.

2

Ошибкой было возвращаться домой раньше десяти, но Марта ужасно проголодалась, а из кухни соблазнительно тянуло вареной картошкой. Задним умом она сообразила, что бабка, должно быть, нарочно поставила кастрюлю поближе к окну: приманила ее, как бродячую кошку. А потом цап – и Марта уже болтается в могучей ручище.

– Где тебя носило?

– Я скажу! Честное слово, скажу!

– Не вздумай мне соврать!

– Я шла через лес, – дрожащим голосом начала Марта, – а потом что-то загудело и сосны зашатались. Помнишь, у меня зуб шатался?

– Чего?

– Деревья начали падать! Словно колосья. И серебряный круг в небе! Похож на дно от ведра, только огромный, как стадион! В нем открылось окошечко, а оттуда – луч! Ударил в меня, я упала, и стало темно... А потом, когда проснулась, все белое, как у стоматолога... Помнишь, мы с тобой ездили драть зуб? Вокруг сидят трое и спрашивают: полетишь с нами на Марс? Нам нужны красивые умные девочки. И щупальцами шевелят. А я им такая: да вы что, с бабушкой лучше!

Лицо бабки, и без того не отличавшееся богатством мимики, окаменело.

– Брехло поганое! – Она встряхнула Марту так, что та едва не вывалилась из футболки. – Почему старшим врешь?

Марта мысленно пожала плечами. А что еще с вами делать?

– Что стащила на этот раз? – Бабка с ловкостью надзирателя обшарила ее карманы и вытащила флакон. – Ах ты дрянь!

Свободную руку она занесла для оплеухи, но для этого пришлось швырнуть духи на стол. У Марты было две секунды – целых две.

Учительница всегда говорит: распоряжайтесь своим временем с умом. Глупо не слушать дельные советы.

Раз! – крутануться вокруг своей оси.

Два! – дернуться что есть силы.

Три! – взлететь по лесенке, не слушая бабкиных воплей, захлопнуть чердачную дверцу и припереть шваброй.

– Дрянь! Мерзавка!

Бабка внизу рвала и метала. Пока она трезва, ей ничего не стоит забраться на чердак, но дверь не вышибить даже ее тушей.

– Жидовское отродье!

Ах вот как! Что ж, пропадать – так с музыкой! Спасибо Герману, который согласился ее обучить, хоть и был удивлен просьбой. Сам он постоянно насвистывал разные песенки, когда обрабатывал фотографии.

Марта вытянула губы трубочкой и уверенно насвистела первые два такта «Хава Нагила».

Снизу раздался вопль, какой мог бы издать носорог, если бы его чувствительно ткнули иглой. Бабка принялась сыпать ругательствами, в которых время от времени проскальзывало имя Якова Бялика.

Вскоре ругань утихла. Звякнула бутылка, а чуть погода сердито забубнили, как ворчит загнанный в конуру старый пес.

Марта вытянулась на полу. Можно подвести итоги: переплыла реку (дважды!), познакомилась с Малым, избежала трепки и довела бабушку до белого каления. Да, и лошадка!

Отличный день!

Жалела она лишь об одном: что не может добраться до картошки.

* * *

Зачем Яков Бялик приехал в Беловодье, никто потом не мог вспомнить. Что-то по библиотечной линии, кажется... Во всяком случае, выйдя из автобуса, зеленый от слабости и тошноты Бялик выпил бутылку «Фанты», купленную в киоске, и направился к центральной площади, хотя любой знает, что в чужом городе сначала нужно отыскать место для ночлега.

Возле библиотеки его увидела Анна Терещенко.

Она не удержалась от смеха. Яков был толст, нелеп и вызывающе некрасив. Над одутловатым бледным лицом развевались рыжие волосы того безобразного оттенка, в который по традиции красят клоунские парики. Вся его низенькая фигура с кожаным портфельчиком в одной руке и бабушкиным баулом в другой была комична, но главное – шевелюра! Будь Яков лыс или плешив, он худо-бедно втиснулся бы в образ человека непривлекательного, однако созданного по шаблонному трафарету. Морковное безумие выделяло его, как пятнистую зебру среди полосатых. Оно заставляло вглядываться в него и находить все новые недостатки.

Анна вгляделась и нашла.

«Господи, ну и чучело».

– Не подскажите, когда откроется библиотека? – спросило чучело, загрузив перед табличкой «Обеденный перерыв».

Анна хотела съязвить, но удержалась.

– Через час, не раньше. Библиотекарша уходит козу доить. У нее коза окотилась.

– По случаю убийства сия мастерская закрыта, – непонятно сказал приезжий.

Сел на выщербленные ступеньки, достал из баула пакет, в котором, как одинокая уклейка, плавал огурец.

– Угощайтесь...

– Вы откуда? – спросила Анна.

– Из Петербурга.

При мысли о том, что в Беловодье, где при каждом доме в парниках радостно вызревали сотни Нежинских, апрельских и зозуль, кто-то додумался привезти снулые магазинные огурцы, Анна расхохоталась. Толстяк посмотрел на нее и тоже засмеялся.

– Вы здесь в первый раз, да? – спросила Анна, непринужденно устраиваясь рядом с ним на ступеньке.

– Верно. Никогда раньше так далеко не забирался, по правде сказать. Всю жизнь в Петербурге. А вы?

– А я всю жизнь здесь, – с удовольствием сказала Анна. Она покосилась на раскрытый баул, убедилась, что другой еды там нет, разломила подаренный огурец и протянула половину толстяку. Тот взглянул на нее пристально и как-то странно.

– У меня в поезде вареную курицу украли, – пожаловался он.

Анна снова фыркнула.

– Как же вы обошлись, бедный?

– Я украл себе новую у попутчика, – с достоинством сказал он.

Она снова засмеялась, не понимая почему. Ничего остроумного он не говорил, но в интонациях, в негромком голосе было что-то, заставлявшее улыбаться.

– Когда вы уезжаете? – Анна подумала, что нужно помочь ему подыскать жилье.

Он потер переносицу.

– Не думаю, что я отсюда уеду...

– В смысле?

– Видите ли, я женюсь.

– На ком?!

– На вас, – очень просто сказал он.

Анна выронила огурец и посмотрела на него. Идиот какой-то! И шутки у него идиотские. Идиот тоже посмотрел на нее. Он больше не улыбался.

– Вы даже не знаете, как меня зовут, – растерянно сказала она.

Рыжий прищурился, будто что-то прикидывая.

– Я люблю имя Анна, – сказал он наконец. – Можно вас будут звать Анной?

Они расписались неделю спустя.

Когда Галина Терещенко узнала о случившемся, ее чуть не хватил удар. Красота дочери принадлежала ей, это был капитал, ожидавший выгодного вложения. Но ее сокровище похитил страхолюдный еврей и пустил все планы под откос.

Весной родилась девочка. Пугало, страшилище, козья морда.

«От уроды уродку родили!» – кричала Галина, встречая семейство Бялик на улице.

Заряда ненависти хватило на пять лет. На шестой год Галина неохотно даровала предательнице свое прощение.

Однажды после Нового года Яков Бялик, вот уже несколько месяцев хворавший без видимой причины, почувствовал себя совсем нехорошо. По настоянию жены он доехал до больницы. Ему пришлось задержаться почти на неделю. Вернувшись домой, Яков обнял своих и закрылся в комнате, сказав, что устал от поездки.

– Сколько осталось? – спросила Анна, когда он вышел к ужину.

Лицо ее было почти спокойно.

Яков хотел было сделать вид, что не понял вопроса, но посмотрел на жену, с которой не расставался ни на день с тех пор, как они встретились, и сказал правду:

– Два месяца.

Ангел, который привел на ступеньки библиотеки маленького толстяка и самую красивую женщину из всех, когда-либо встреченных Яковом, и теперь оказался к нему милосерден. Яков Бялик скончался не через два месяца, а две недели спустя, во сне, без боли.

На оплату транспортировки гроба до Санкт-Петербурга ушли почти все деньги. С представителями ритуальной компании Анне пришлось общаться письменно: она не могла исторгнуть ни звука из наглухо зацементированной гортани.

Накануне отъезда она взяла за руку дочь и довела до дома Веры Шишигиной.

Старуха вышла на крыльцо.

Вдова молча посмотрела на нее, развернулась и пошла прочь.

Возле дома Гурьяновой сцена повторилась. Одна женщина вышла из дома, другая постояла перед калиткой, сжав детскую ладошку. Кира Михайловна едва заметно кивнула.

Анна уехала, и Марта Бялик осталась с бабушкой.

О семье покойного мужа Анне было известно немного. Родители умерли, единственная сестра не поняла и не приняла его решения остаться в Беловодье. Анна никогда с ней не гово-

рила, но кровная связь была для нее священна, и вдова Бялика везла его тело домой, чтобы похоронить рядом с отцом и матерью.

Она думала о просторной квартире Якова, обжитой тремя поколениями его семьи. О надменной женщине, с которой ей предстояло хоронить мужа. Не было ни страшно, ни тревожно, ни больно – было никак, и она понимала, что отныне так будет всегда. В устройство мира вкрался изъян: жизнь Анны закончилась, а сама Анна почему-то осталась. Лист без дерева, дерево без земли.

К Марте ее мысли не обращались. Для дочери она сделала все, что могла. И потом – что могут неживые матери дать живым детям?

В фамильной квартире никакой Сони Бялик не оказалось. Собственно, не оказалось и квартиры, которую описывал муж: ломали стены, снимали паркет, таскали мешки и ведра, оставляя дорожки алебастровой пыли, – меняли старое чужое на новое свое. Выйдя из подъезда, Анна рассмотрела небрежно нацарапанный соседкой адрес.

Посетителей еще пускали. Путанные коридоры, пациенты в пижамах, медсестры с лицами стюардесс, опаздывающих на свой рейс... Анна вошла в палату и окаменела.

Белая кожа. Рыжие волосы.

Кто-то сжал ее сердце в кулак, так что оно едва не остановилось, а затем выхватил лист из космической пустоты без голосов и света, швырнул навстречу гигантскому синему шару, навстречу реву земли, мириадам деревьев и одному, протянувшему к ней ветви. Река замкнулась в кольцо и понесла Анну вдоль зеленых берегов, где бегала девочка, похожая на отца; вдоль белых стен, где сидела на больничной койке измученная женщина, похожая на брата, – и мимо Якова Бялика, улыбающегося ей со ступенек библиотеки своей неизменной доброй улыбкой.

Потому что жизнь, некоторым образом, никогда не кончается.

Анна опустила на пол, ощущая, как крошится и осыпается цемент, и горло стискивает уже от иной, уже от переносимой муки.

Врачи говорили с ней быстро, на бегу, и не смотрели ей в глаза, а если смотрели, то как-то досадливо, и роняли много непонятных слов – Анну не оставляло чувство, что они делают это нарочно. Она уяснила одно: та же болезнь, что унесла Якова Бялика, теперь убивала его сестру.

Нет, сказала Анна. Достаточно!

Она не могла после всего пережитого отдать еще и эту Бялик. Анна знала, как та сворачивается во сне, как нарезает яблоки дольками поперек сердцевин, как поднимает руку, чтобы заправить за ухо прядь волос, и замирает на миг. Это знание делало ее в определенном роде собственницей.

Мое, – сказала Анна.

Нет, не твое, – сказала смерть.

Может, и не мое, – легко согласилась Анна. – Но тебе не отдам.

Анна принялась выдирать Соню Бялик у смерти, как хозяйка ценной сумки выдирала ее у бессовестного вора. Они с болезнью вцепились в Соню с двух сторон. В отличие от Якова, у его сестры оставался шанс на спасение, но Соня была изъедена одиночеством и страхом. Горе вымывает в человеке карстовые пустоты. Она могла часами сидеть неподвижно, глядя перед собой потухшим взглядом. Ей не спастись. Никому не спастись. Чужая деятельная женщина, неотлучно находившаяся рядом, только обременяла ее: досадная помеха, камешек в ботинке на пути к сияющей вечности.

Три месяца спустя после того дня, когда Анна впервые вошла в палату, Соня Бялик проснулась среди ночи. Она всегда пугалась темноты. Во тьме комната сдавливала ее, точно стенки гроба, куда ее уложили прежде, чем она умерла. Но в этот раз горел светильник, моло-

дая женщина сидела в кресле, подогнув под себя ноги, и читала дамский роман в глянцевой обложке.

– Слушай, – устало сказала Соня, прикрывая глаза от света, – ты когда-нибудь оставишь меня в покое или нет?

Женщина подняла на нее безмятежный взгляд:

– Никогда.

– Вообще никогда? – ужаснулась Соня.

– Абсолютно, – заверила женщина.

– Слава Богу, – тихо сказала Соня. И когда чужая женщина подошла к ней, чтобы поправить одеяло, на секунду дотронулась до ее живой, теплой, мягкой руки.

В этот миг с камешком случилась удивительная метаморфоза. Из мизерной закорючки размером не больше голубиноного коготка он вдруг увеличился, превратившись в полновесный шершавый камень, и сияющая вечность брезгливо отодвинулась на неопределенное расстояние. Поскольку каждому, включая даже сияющую вечность, известно, что топтать с камнем в ботинке совершенно невыносимо.

3

Марта, переехав в новый дом, вскоре обнаружила, что существуют разногласия во взглядах на ее новое положение.

Бабка полагала, что Марта в ее власти.

Марта была убеждена, что власти над ней не имеет никто, кроме Господа, у которого много иных забот, и Киры Михайловны Гурьяновой, ограниченной в своих действиях законом о гарантиях прав ребенка. За эту поразительную осведомленность отвечала поисковая система «Яндекс». Именно она в ответ на запрос Марты «учитель может побить своего школьника дать подзатыльник потаскать за ухо или нет» сухо сказала, что это запрещено. Марта вздохнула свободнее.

Против бабки закон был бессилён.

Даже тот, кто вздумал бы оскорбить Галину Терещенко, не нашел бы в ней сходства с вурдалаком, но, безусловно, людей она рассматривала в первую очередь с точки зрения питательности. Долгие годы ее кормовую базу составляла дочь. Когда Анну похитил рыжий клоун, Галина исхудала, щеки ввалились, одежда повисла на ней, как на вешалке. Не очень проницательные люди приписывали эту перемену тоске по дочери.

После примирения она надеялась вернуться к прежнему режиму потребления. Но с Анной что-то случилось. Она, прежде терявшая от грубостей волю, приобрела избирательную глухоту, и часть речей Галины таяла в воздухе, не дойдя до адресата. На губах Анны теперь почти всегда играла улыбка, тихая, не предназначенная для других – так свет пробивается сквозь плотно зашторенное окно.

Заполучив Марту, Галина возрадовалась. Не то чтобы она не жалела ребенка. Будь Марта белокурым голубоглазым ангелом, безутешно плачущим от потери отца и матери, Галине было бы легче. Она вцепилась бы в нежное тельце, понесла бы прочь, сжимая в когтях и облизываясь в предвкушении обильной трапезы, но на бегу не забывала бы утирать малышке слезы. Разве не это люди называют добротой?

Однако Марта осложняла ей задачу. Галина, кроткая душой и терпимая к недостаткам, готова была мириться с уродством девочки. Но кроме вызывающей внешности, та обладала дрянным характером. Недели хватило, чтобы Галина поняла: кротостью и любовью с этим ребенком не сладить.

Что оставалось? Это для ее же пользы, сказала себе Галина. Если девчонка продолжит в том же духе, сама жизнь накажет ее и сделает это безжалостнее, чем бабушка, желающая сироте только добра.

С поркой не вышло. В ярости от неудачи, а в особенности от того, что левая рука несвоевременно вышла из строя, Галина пошла на крайние меры. Мерзавка! Испорченная, бессовестная. Не приструнить ее сейчас – в другой раз она выкинет что-нибудь ужасное. Поджог! Убийство!

Идея о превентивном наказании потенциальных преступников часто находит себе приверженцев в лице тиранов и пожилых женщин.

Галина затаилась, дождалась, когда враг утратит бдительность, и на этот раз все получилось.

– Будешь еще кусаться? – спросила Галина, потрясая над Мартой забинтованной рукой. – Будешь, паршивка?

Можно было совершить месть сразу, но хотелось отметить победу, и экзекуция над поверженным врагом была отложена.

Рано утром в дверь постучали.

– Здравствуйте, – сказала Гурьянова. – Я хотела бы увидеть Марту.

Галина приторно улыбнулась и подвинулась так, чтобы кровать оказалась за спиной.

– Приболела она, Кира Михайловна... Простыла внученька моя. Сиротка!

Директриса поджала губы и прошла сквозь Галину – во всяком случае, ничем иным та не смогла объяснить вторжение. Взгляд ее остановился на маленькой фигурке.

– Вы ее связали, – бесстрастно сказала директриса.

– Ворочалась она во сне... С кровати падала, – пробормотала Галина. – Видите, только уснула... По папочке все плачет...

Гурьянова обернулась к ней. В доме внезапно посветлело, как в операционной, и повеяло холодом.

– Ножницы, – прошелестела Гурьянова.

Галина кинулась за ножницами, точно вышколенная медсестра за ланцетом.

– Марта! – позвала Кира, перерезав веревку.

Девочка сонно потянулась и повернулась на другой бок.

– Я ж вам талдычу, спит... – начала было Галина, но директриса выпрямилась в полный рост, и слова застряли в горле.

– Завтра Марта должна быть в школе.

Хозяйка вжалась в стену, торопливо закивала: будет, Кира Михайловна, все будет как вы скажете.

Страх, который навела на нее Гурьянова, хватило надолго, но когда директриса уехала по делам, а Марту опять поймали на краже, Галина сорвалась.

Никаких веревок! Но оплеух-то поганой девке она могла надавать? Кое-где за воровство руки рубят.

Марта, поняв, что ее ждет, юркнула хорьком и забилась под кровать.

– Сама вылезешь? – сладко пропела Галина. – Или достать тебя?

Жарким сквозняком обдало затылок, и она обернулась. В дверном проеме застыла черная фигура, кривоносое страшилище.

– Здрасьте, Вера Павловна, – сказала Галина, тщетно стараясь придать голосу дружелюбие. Внутри все съежилось, как брошенный в неостывшую золу паук.

– Марта, иди сюда... – позвала Шишигина, словно не замечая ее.

Галина прищурилась:

– С хозяйкой здороваться не обязательно?

Девчонка выбралась из-под кровати, вся в паутине и пыли, бесстрашно подошла к старухе.

– Ступай, поиграй в огороде...

Марта не заартачилась, вопреки своему обыкновению, а пожала плечами и выскочила из дома.

– Не обижай ее больше, – сказала старуха.

– Вас не спросила! – огрызнулась Галина.

Как всякий человек, лишенный долгожданного праздника, она разозлилась и чувствовала себя несправедливо обделенной.

– Зря ты так, Галя...

– Вы мне тут не зрякайте! Поведились шастать, как к себе домой! Меня учить не надо, я ученая! Слышь-те чего говорю? Шагайте, шагайте... – И ладонью сделала жест, будто смахивала со стола крошку.

– Не обижай... – шепнула ведьма.

В глазах внезапно потемнело. На изнанке век огненными росчерками заплясали дикие мушки. Галина схватилась за стену и взвизгнула: показалось, что обожгла ладонь.

– Береги себя, Галя...

Свистнуло, ухнуло, обдало печной золой – и пропала Шишига.

В доме Терещенко установилось шаткое равновесие. За Галиной сохранилось право ответить Марте подзатыльник. Не возбранялось и оттаскать за ухо, особенно в случае кражи или хулиганства. Марта молчаливо обязалась вести себя прилично: бабке не дерзить, в доме не пакостить.

Искушение дать жестокую взбучку отродью Бялика посещало Галину через день. Но каждый раз, заноса руку, она видела, как за девчонкой вырастают тени двух хранителей.

Марта не догадывалась, и никто не догадывался, как сильно поддерживает ее бабушку мысль о том, что однажды она возьмет свое.

Глава 5

Май 2001 года

1

Двухэтажный синий дом стоял наособицу, и с первого взгляда становилось ясно, что его хозяева – люди с хорошим вкусом. Вкус читался и в архитектурном решении фасада с двумя далеко разнесенными полукруглыми белыми балконами, и в декоративном обрамлении, начинающая от вымощенной дорожки, которая приводила к решетчатой калитке, и заканчивая шарообразными кустами голубой гортензии у дверей. Кира слышала, что именно голубую гортензию почти невозможно вырастить в местном климате. Лидии Буслаевой часто удавалось то, что не получалось у остальных.

Кира поднялась по дорожке, впервые за долгое время ощущая, как непритязательно ее учительское платье.

На балконе курила женщина.

– Входите, открыто! – крикнула она и скрылась внутри.

По лестнице к Кире уже спускался хозяин. Он был высок, суховатого телосложения, с красивым запоминающимся лицом, обрамленным короткой светлой бородкой; его темно-синий бархатный халат-шляфрок на любом другом человеке смотрелся бы как сценический костюм, но Буслаев был в нем естественен. Кира бросила взгляд на его руку, небрежно лежавшую на перилах: овальная ладонь, длинные аристократические пальцы, голубоватые лунки ногтей – на редкость красивая кисть, подумала она, должно быть, он еще и музыкант, помимо прочего.

– Кира Михайловна, дорогая! – Звучный голос разнесся по холлу. – Как я рад! Лидочка, иди сюда, полюбуемся на нее! Наш ангел-спаситель!

– Здравствуйте, Алексей Викентьевич. А где Федя?

– Для вас – просто Алексей.

– Я – Лида, – улыбнулась женщина с сигаретой, незаметно возникшая рядом. – Прошу вас, не надо отчества. У нас здесь принято без церемоний.

Приветливые люди. Настолько приветливые, что это несколько подавляло любителей церемоний вроде Киры.

– Федя ждет вас в своей комнате, – сказал Буслаев. – Он иногда бывает не в духе...

– Ему свойственны частые перепады настроения, – подтвердила Лидия.

– Пожалуйста, учтите это, когда начнете с ним заниматься. И еще, Кира Михайловна... – Буслаев доверительно наклонился к ней. – Мы лучше, чем кто-либо другой, знаем, как трудно с ним справиться. По совести говоря, Федя бывает совершенно невыносим.

– Как все подростки, – осторожно согласилась Кира.

– Если вы не найдете в себе сил терпеть его выходки, мы вас пойдем. Вера Павловна проявила большую настойчивость, убеждая нас продолжить обучение вне школы, а вы знаете, как сложно ей отказать, когда она о чем-то просит... Но мы с Лидой опасаемся...

Кира вежливо кивала, недоумевая про себя. Никто из родителей подростков не подготавливал ее так основательно к встрече с собственным отпрыском.

– ...Вера Павловна уже присылала учителя, однако у них не сложились отношения...

– ...по Фединой вине, разумеется, – вставила Лидия Буслаева. – Мы с мужем бесконечно далеки от мысли обвинять в чем-либо педагогов. Нам исключительно повезло со школой.

Кира постучалась и, не дождавшись ответа, толкнула дверь. В комнате на подоконнике скорчилась маленькая фигурка.

– Здравствуй, Федя, – сказала Кира. – Мы с тобой будем заниматься русским языком и литературой.

Мальчик обернулся.

Он выглядел бы почти нормальным, если б не безвольно отвисшая челюсть и некая вялость тела, придававшая ему сходство с тряпичной куклой, которая вот-вот завалится вперед. Длинные руки, чернота под ногтями. Кожа бледная, неприятного синеватого оттенка. Глаза навывкате.

– Меня зовут Кира. – При первом же взгляде на мальчика она приняла решение отказаться от отчества.

– Ки-рааа... Приве-е-ет!

– Вы сказали, он часто болеет! – Гурьянова едва сдерживалась, чтобы не повысить голос. Шишигина удовлетворенно кивнула:

– Именно, именно так. Мальчику тяжело ходить в школу, из-за болезни он пропускает много уроков. Перейти в седьмой класс для него – фантастика. Родители попросили меня перевести его на домашнее обучение, однако они вкладывают в это понятие что-то свое, а моя задача – дать ему возможность нагнать за лето свой класс.

– Ему нужен врач, а не учитель!

– Ну-ну-ну! – Голос Шишигиной был преисполнен снисходительности. – Не преувеличивайте. Как-то же он проучился в школе, и не один год, между прочим. Можете считать, это ваш испытательный срок, раз вам не досталось полноценной учебной четверти. Вы лучше других найдете подход к Феде, я уверена.

Кира стиснула зубы.

Все дело в физруке, подумала она, другого объяснения нет. Старая мырма выждала – и куснула исподтишка.

Физрука звали Ирина. Ирочка Литвинова: длинная, гладкая, неутомимая; Ирочка, похожая на гончую, не дающую покоя своим многочисленным щенкам. «Девчата, а теперь в волейбол!» «Мальчишки, кто со мной на канат!» Из нее бил комсомольский задор, хотя в силу возраста она не застала даже пионеров. Десятки раз на дню с ее губ срывалось «Айда». До встречи с Литвиновой Кира думала, что это слово отмерло. Айда! Когда Ирочка входила в учительскую, Кира ждала, что она вот-вот скажет что-нибудь вроде: «Управы нет на огольцов». И погрозит пальцем. Непременно с хитринкой в глазах. Возможно, даже с лукавым прищуром.

Должно быть, именно «айда» заставило ее внимательнее присмотреться к детям после физкультуры.

В первый раз Кира решила, что ей почудилось.

Во второй объяснила все случайностью.

После третьего пришла к Литвиновой на урок.

Все было нормально: веселый тренер, подвижные школьники, крики, гулкое эхо мяча, кувырки на пыльном мате.

Тогда отчего они возвращаются в ее класс бестелесные и поблекшие, точно бабочки, с чьих крылышек сбита пыльца? Кира готова была поклясться, что дело не в усталости.

Следующие три недели она наблюдала, затем начала действовать – быстро, без колебаний.

– Вера Павловна, Литвинову нужно уволить.

Шишигина откинулась на спинку кресла. Кира в очередной раз подумала, что для завершения образа директору не хватает лупы. В душе она, конечно, была энтомологом, раз за разом убеждавшимся, что ниспосланные ей экземпляры членистоногих не заслуживают даже формалина.

– Смело, – оценила Шишигина. – Мне встречались люди, начинавшие карьеру с доносов, но они сперва обживались на новом месте и только потом... Сколько вы у нас работаете?

– Два месяца, – спокойно ответила Кира.

– Два месяца. Я в растерянности, Кира Михайловна. Неужели вы надеетесь занять место учительницы физкультуры? Говорите прямо. Я в любом случае вас уволю.

– Она завуалированно издевается над школьниками. Было бы преувеличением сказать, что она калечит детей, но их жизнь без Литвиновой будет гораздо лучше, чем с ней.

– Доказательства?

– Никаких.

Несколько секунд директриса смотрела на нее изумленно.

– Вы, Кира Михайловна, с ума сошли?

– У меня нет доказательств, – повторила Кира. – К ней невозможно придаться. Потому что это всегда шутки, дружеские подначки. Литвинова среди детей своя, она называет себя их старшим другом и товарищем. С кем-то посмеется над кривыми ногами, кому-то скажет про съеденный бабушкин пирожок, который отложился на щеках. «Что за сочные ляжки у нашей Вики!» А потом Вику до выпускного будут дразнить сочными ляжками. У нее нет фразы, которая не была бы начинена ядом.

– Только не надо красивых метафор, – поморщилась Шишигина.

– Дети не умеют ей противостоять, потому что не понимают, что происходит. Способность распознавать агрессию за шутливостью приходит много позже, и то не ко всем. А они маленькие. Я уверена, поэтому она не берет старшеклассников: с ними эти фокусы не пройдут.

– Вы, конечно, побывали на ее уроке...

– На всех. На всех, совпадавших с моими окнами.

– И такое случалось каждый раз?

– Да. Дети... они сами не свои, когда заканчиваются ее занятия. После физкультуры школьники всегда бесятся, несмотря на усталость. А эти – нет. Они просто сидят. Я пару раз пересаживала их за другие парты – никто не пикнул. Такого вообще не бывает, не должно быть.

Шишигина очень долго молчала. Кира успела вспомнить, что именно она взяла на работу Литвинову.

– Вера Павловна? – не выдержала она.

– А, Кира Михайловна, вы еще здесь... Я вас больше не задерживаю.

Кира пыталась поймать ее взгляд, но директор отвернулась.

Новость о том, что Литвинову вышибли, облетела школу в мгновение ока. Передавали из уст в уста, что сначала та отказалась писать заявление, но Шишигина плотнее закрыла дверь и что-то такое наговорила бедной девушке...

Кира знала, что директор опросила нескольких школьников, у которых Ирочка вела физкультуру: и умных, и спокойных, и плаксивых, и даже тех, которым трудно было дать какую-то характеристику, кроме «обычный ребенок».

Литвиновой не позволили доработать и двух дней. Родителям, явившимся выяснить, отчего их дети лишились спортивных занятий, Шишигина дала такой отлуп, что они в ужасе вылетели из школы.

Свои пожитки Литвинова собирала в слезах. Многие учительницы тоже плакали, обнимали несправедливо обиженную Ирочку и клялись созваниваться с ней каждый день. Ни к

чему не обязывающее сострадание приподнимает над бесчувственными сухарями и позволяет без всяких затрат ощутить себя хорошим человеком.

Вечером Кира столкнулась в коридоре с директором.

– Вы довольны? – резко осведомилась Шишигина.

– А что, уже нашли нового физрука? – удивилась Кира.

Вера Павловна только кхекнула.

– Ну вы, Кира Михайловна, и фрукт...

– Простите за прямоту, Вера Павловна, но после восьми уроков я совершенный овощ. Если я вам не нужна...

– Над этим я еще поразмыслю.

2

Трижды в неделю: дорожка, выложенная брусчаткой, чирикание звонка, слабый запах лилий. В тяжелой стеклянной подставке благоухали ароматические свечи.

«Я, конечно, в большей степени управленец, – говорил Алексей Викентьевич с извиняющейся улыбкой, – а вот Лидочка – натура бесконечно одаренная». Это не было преувеличением. Лидия Борисовна обладала великолепным вкусом; во все, к чему прикасалась, она вдыхала красоту. Двадцать лет назад музей Беловодья мог похвастаться прялкой, дюжиной уродливых салфеток и картинами местного художника, заслуженно прозябавшего в неизвестности. При Буслаевых музей расцвел. Вся культурная жизнь города сосредоточилась вокруг него.

– Добрый день, Федя!

– Зд'аствуйте!

Они раскладывали учебники, и Кира определяла, в каком он настроении, чувствуя себя водителем, который не знает, какая секция загорится на светофоре в следующий момент.

Зеленый свет – все замечательно, мальчик будет сообразителен, послушен и любопытен. Артикуляция четкая. Координация в норме. Хорошо усваивает новую информацию.

Красный. Речь бессвязная, внимание рассеянно, эмоционально колеблется между плаксивостью и раздражительностью. Когнитивные функции нарушены. Теряет равновесие, роняет предметы.

Желтый. Чаша весов может склониться в любую сторону, но чаще к красному.

Вначале Кира терялась, когда мальчик принимался рыдать, однако со временем научилась выводить его из этого состояния простыми дыхательными упражнениями.

Конечно, он мало что знал. Кира самовольно утвердила себя в должности преподавателя всего и назначила Беловодье своим учебником. Биологию они изучали на примере одуванчиков и головастиков, математику – покупая спички в продуктовом. Кира принесла ему компас; подарок оказался бессмысленным, но они изобрели причину, чтобы гулять в окрестностях.

Она обнаружила, что если цифрам присвоить цвет, он будет считать в два раза быстрее. Что его ненависть к русскому языку объясняется дислексией. Что для него все города на земле – Беловодья, и он не представляет, что бывают другие. Что он панически боится собак, и не беспричинно, поскольку те его недолюбливают, зато птицы питают к нему необъяснимое доверие. Что он в два раза младше своего биологического возраста.

– Покажи тетрадь, Федя.

– Я-а не доделал...

Большую часть дня он был предоставлен самому себе. Нескладный, сопливый, с прической «под горшок», которая превращала его в совершеннейшего дебила. Удивительно, но Лидию Борисовну, такую чуткую к красоте во всех ее проявлениях, не корбил облик сына.

Временами Кире казалось, что Буслаева неосознанно поощряет его запущенность: взять хоть одежду.

«Если бы он жил в Москве... Бассейн, массаж, реабилитация. Логопед. Психиатр».

Почему, возражала себе Кира, почему семья должна все бросать под ноги ребенку? Буслаевы выросли в этот город; уедут они – и обеднеет Беловодье. Уедут – и обеднеют сами, потеряют все, что ценно. Откажутся от своих жизней – в обмен на что? Призрачную возможность?

Солнце растеклось в белесом небе. Кира смастерила бумажный веер, но, обмахиваясь им, чувствовала себя, как кочегар, приоткрывающий дверцу топки.

Федя болтал ногами на подоконнике.

– Почему ты в кофте? – удивилась Кира. – Сегодня жарко. Надень какую-нибудь маечку.

– Маечку... – Он улыбнулся страшенькой своей лягушачьей улыбкой.

– Не жди, что я буду тебя переодевать.

– Не, я сам. Это мне мама дала, я не хотел.

«Мама твоя сунула тебе первое попавшееся из ящика», – невольно подумала Кира.

Пока Федя доставал футболку, она размышляла о том, как быстро он начал говорить сложносоставными предложениями, стоило ему признать новую учительницу заслуживающей доверия.

– Вы отвернитесь!

– Я не подглядываю.

Она действительно опустила взгляд, но в последний момент что-то заставило ее поднять глаза.

– О, господи! – сказала Кира и прижала ладонь к губам. – Господи, Федя.

Мальчик обернулся.

– Испугались? У меня на стене паук!

Он захохотал, радуясь своей глупой шутке, пока Кира сидела, зажмурившись, и все равно не могла избавиться от пляшущих перед глазами желто-зеленых пятен.

– В жмурки играем?

Кира открыла глаза и схватила мальчика за руку.

– Кто это сделал?

– Чего?

– Федя, с кем ты подрался?

Она судорожно перебирала в памяти детей, которые могли избить его. Вася Мельник? Тупые и сильные как быки братья Жикаренцевы?

Как ни странно, именно в этот момент ей стало ясно, что к Феде в городе относятся тепло, вопреки традиции глумиться над дурачками. Кроме этих двоих она не могла никого представить на месте его обидчиков. Быть может, есть компании подростков, о которых ей не известно?

– Федя, кто это сделал? Расскажи, пожалуйста!

Он нахмурился и отвернулся. Кира обошла его и снова села перед ним. На лице его было хорошо знакомое выражение упрямства.

– Я не буду их наказывать, – покривила она душой.

Федя взглянул на нее почти враждебно и что-то пробубнил.

– Что? Я не расслышала.

– Урок, – повторил он. – Давайте заниматься.

Кире пришлось дожидаться целый час, но наконец щелкнул замок и вошла Лидия Буслаева, хрупкая и нежная в платье цвета весенней зелени.

– Лидия Борисовна, мне нужно с вами поговорить.

Кабинет. Подумать только, у этой элегантной женщины свой кабинет. В другое время Кира не преминула бы оглядеться и запомнить восхитительные маленькие штучки на полках, глиняные чашки и фигурки, картины и фотографии; она постаралась бы проникнуться духом комнаты, чтобы воспроизвести его в своем доме, начисто лишенном изыска и аристократизма. Лишенного всего, чем был насыщен воздух в буслаевском доме.

– О чем вы хотели поговорить, Кирочка?

Кира изложила ей свое дело: кто-то обижает мальчика.

– Он не признался мне, кто виноват. Я думаю, у вас получится его расспросить.

– Я непременно поговорю с Федей, – пообещала Лидия.

Кире показалось, что к ее словам отнеслись несколько... легкомысленно.

– Лидия Борисовна, мальчик избит, – с нажимом повторила она. – Вам нужно увидеть это самой.

– Конечно, я посмотрю...

– Я надеюсь, врач не найдет ничего серьезного...

– Бог с вами, какой врач! – Буслаева от души рассмеялась. – Это мальчишки! Они постоянно дерутся! Вряд ли кто-нибудь из них действительно задумал что-то дурное. Да и Федька вполне может дать сдачи. Они с моим мужем часто борются в шутку... Никогда не скажешь, что он способен постоять за себя, но поверьте, это так.

– Мне раньше не встречались подобные...

– Я разберусь, Кира Михайловна! Спасибо, что предупредили. Федя бывает очень скрытным... Мальчик, что поделать! Я хотела девочку, но, как видите... Жизнь невозможно повернуть назад. – Она спохватилась: – Но даже если бы мне предложили, я бы отказалась. Разумеется.

Вот как: Кира Михайловна. Уже не Кирочка.

– Спасибо, Лидия Борисовна. Я надеюсь, вы узнаете, кто это сделал.

Она обернулась, проходя мимо клумб, но в Федином окне никого не было.

«А ведь ей совершенно на него наплевать», – думала Кира. Гнева не было, лишь трезвая оценка ситуации. Она слишком давно работала в школе, чтобы питать иллюзии об инстинктивной привязанности родителей к своим детям. Ей встречались матери, чья любовь иссякла, когда они решили, что вместо сухих земель годами орошали каменистую пустыню. Попадались вовсе не приспособленные к материнству – грациозные самки из рода кошачьих, у которых по какому-то недоразумению образовался карман с кенгуренком; что с ним делать, они не знали, и облегченно сплавляли его ближайшему сумчатому. Все лучше, чем отгрызть малышу голову. Были и такие, как Буслаева: просвещенные, искренне считавшие себя прекрасными матерями. Они произносили самые убедительные речи на школьных собраниях. Показывали всем трогательные снимки своих детей (сделанные профессиональным фотографом). Почти всегда долго сохраняли красоту и молодость.

– Поставьте мне занятия с Федей каждый день.

Шишигина даже привстала. Брови медленно поползли на лоб – казалось, если она не остановит их движение, рано или поздно они окажутся на затылке.

– Помилуйте, Кира Михайловна! Что я слышу!

– Каждый день, – повторила Кира. – Мальчик... нуждается в этом.

– В чем?

– Он проявляет способности, – соврала Кира не моргнув глазом. – Мы проходим математику, биологию... Конечно, мне самой приходится кое-что освежить в памяти. В целом все идет довольно неплохо, но ему нужны повторения упражнений, закрепление материала. Родители,

как вы понимаете, заняты общественной деятельностью. Я не сомневаюсь, они будут рады, если кто-то возьмет на себя эту обязанность.

Все. Теперь тихо-тихо выдохнуть.

– Я подумаю, – сказала Шишигина. Кире почудились в ее голосе нотки растерянности.

– Подумаете?

– Я поговорю с Буслаевой.

– Спасибо, – искренне сказала Кира. – Большое вам спасибо, Вера Павловна.

Дорожка, выложенная брусчаткой. Чирикание звонка. Слабый запах лилий.

Федя больше не ждал ее в комнате. Он вылетал навстречу, точно пес, заждавшийся хозяина. Сходство усиливалось тем, что некоторое количество его слюней неизбежно оставалось на ее костюме.

– Гулять! Гулять!

– Уроки! Уроки! – передразнивала Кира.

Карта, разложенная на полу; пыльные солнечные лучи; запах яблок, которые он притаскивал с кухни себе и Кире. Они лежали на сквоньяке и рассматривали страны. Пэчворк Европы Федя не любил и предпочитал водить пальцем по Африке.

– Не ковырай в носу. Разве в Танзании живут твои козьявки?

Заливистый хохот. Ужасно, что со временем она начала находить удовольствие в подобных шутках.

– Та-ам живут...

Кира придвигала пластиковые фигурки зверей, приобретенные в детском отделе. Львы расходились по саваннам. Бурого медведя на тележке везли в Сибирь, поскольку, во-первых, путь был неблизкий, а во-вторых, он был участником войны с Наполеоном и потерял в бою заднюю лапу.

– Кстати, кто такой Наполеон?

– Царь! Э-э-э... нет! Император!

– Какой страны?

– Франции!

– Покажи на карте.

Десять секунд напряженного поиска.

– Во-от.

– Англию?

– Во-от!

– Италию!

– Тут!

– Австрию!

– На-ашел!

– Федька, ты молодец! Теперь можем погулять.

На заднем дворе они поймали ящерицу и за надменный вид окрестили ее Наполеоном. Целых пять минут император грелся в жарких песках Египта, а потом удрал под камень.

3

По кабинету Шишигиной летала муха, разомлевшая от зноя. Казалось, все ее мечтания, стремления и парение души свелись к альтернативе: нырнуть ли в банку с вареньем или в блюдечко с медом. Директор всегда пила чай со сладостями.

– Присядьте, Кира Михайловна.

Кира села и выжидательно сложила руки на коленях. Два скелета, изъятые Шишигиной из кабинета биологии, вытянулись во фронт за спиной директора, точно лакеи на задке кареты. Кажется, из всего педагогического состава одну только Киру смешили эти горемычные кости. У прочих они зарождали безрадостные мысли о пугающей ненадежности всего сущего, в частности, оклада с надбавкой за продленку.

Все-таки уникальный человек была Вера Павловна.

Белопенные манжеты из сундука испанского гранда; массивная янтарная брошь, напоминающая пожелтевшее копыто; аромат лежалой пудры и подгнивших роз.

Ее окружал неувимый флер старинного склепа. В свои пятьдесят восемь она выглядела совершеннейшей старухой; Кира подозревала, что в этом морщинистом коконе Шишигина обретается последние тридцать лет, рассматривая сквозь запавшие глазницы, как сквозь окошки батискафа, шевеление простейших организмов, влекомых течением мимо нее.

Если и были скелеты в ее шкафу, они не выпадали, а выходили дисциплинированно в условленное время, чтобы составить ей партию в преферанс.

В городе Шишигина выглядела как дипломат среди туземцев, белый человек, вззирающий на них с жалостью и плохо скрытым чувством собственного превосходства.

Это не прибавляло ей популярности. Однако она поставила себя так, что ее уважали. Каким-то загадочным образом Вере Павловне удалось вытащить из коллективного бессознательного прочно забытую веру в учительский авторитет. Быть может, ей было отпущено на целую жизнь одно-единственное колдовство, и Шишигина истратила его, отбросив городок на семьдесят лет назад во всем, что касалось ее работы.

При этом учителем она была плохим. Ее дидактический тон наводил на детей тоску. Она следовала учебному плану с фанатичностью служителя культа, не смеющего исказить ни единого слова в послании своего божества. В конце концов, она, кажется, находила идею обучения без рукоприкладства глубоко порочной.

– У Буслаевых нет возможности принимать вас каждый день.

Кира не сразу поняла.

– Что? Но, Вера Павловна...

– Они считают не только лишними, но и вредными ежедневные занятия с Федей. Он устает и перевозбуждается. Матери сложно успокоить его перед сном.

– Я никогда не замечала, чтобы...

– Они имеют право не желать визитов постороннего человека в свой дом, – отрезала Шишигина. – Федор – их сын. Не ваш.

Кира поняла, что любые возражения бесполезны, более того – что каждое из них ляжет в кладку каменной стены, отделяющей ее от мальчика, и молчание – ее единственное прибежище, если она не желает навредить себе и ему.

Впервые ей пришло в голову, что Лидия Буслаева, быть может, видит в ней не только учительницу, прикрепленную к ее сыну для индивидуальных занятий. Кто такая Кира Гурьянова, если разобраться? Старая дева, бездетная несчастливица. Она задалась вопросом, не Буслаевой ли принадлежала фраза о том, что Федор – их сын, не ее. Тогда запрет объясним. Какой матери понравится видеть, что день за днем ее оттесняют от собственного ребенка. «Гнездовой паразитизм» – всплыл в памяти полузабытый термин из курса биологии; да, гнездовой паразитизм наоборот: не подбросить яйцо, а самой занять чужое и растопырить крылья над оголодавшим птенцом.

– Быть может, вы устали от ваших... обязанностей? – Шишигина своим вопросом подтвердила ее опасения.

Кира на мгновение опустила веки, а когда открыла глаза, взгляд был безмятежен.

– Три дня в неделю – оптимальный график. Я действительно чувствую себя разбитой, но это, наверное, от жары.

Шишигина смотрела тяжело и подозрительно, но Кира не дрогнула.

– Лучшее место для купания – Долгое озеро, – сказала наконец Вера Павловна. – Прочие озера тоже неплохие, хотя кое-где заболочены. Только реки избегайте, там опасно.

Из-за озера все и случилось.

Очертаниями Долгое напоминало инфузорию или невообразимо гигантский след сапога. В каблуке – неглубоком квадрате почти правильной формы – барахтались под присмотром малыши; в середине толкались любители нырять за монетками в желтовато-бурую глубину; самые рискованные добирались до мыска. Заплывали туда редко: прибрежная полоса плотно заросла камышом. Сухой шелест сопровождал, как трещотка маракаса, тонкой флейте зыб-лика.

Здесь, в камыше, много лет гнила ничейная лодка. Подвыпивший рыбак бросил ее, и она осталась в плену стеблей. При сильном ветре дрейфовала, распугивая уток, тычась носом в разные стороны, будто искала хозяина.

Подростка в лодке заметил кто-то из малышей. Восхищенный детский крик быстро сменился испуганным: Федю увидели взрослые. Он таращился в небо, а тем временем лодка, обретшая владельца, поступила так же, как многие люди, осуществившие выстраданную мечту: она начала тонуть.

И все бы ничего, но он вывел ее на открытую воду.

Быть может, мальчик задумывал пересечь озеро или хотел порадовать суденышко, выпустив его на свободу. Как бы там ни было, теперь они болтались вместе, лодка и Федя, над четырехметровой глубиной, и на триста метров вокруг не было ни души.

Первыми среагировали ныряльщики. Пятеро рванули к нему, пока взрослые бежали по берегу. Федя приветственно замахал руками под нарастающий женский визг: даже издалека все увидели, что с каждым его движением вода рывками подбирается к краю ветхой посуды.

Заметалось между взрослыми паническое: звоните врачу! Уже было понятно, что не успеют ни по берегу, ни вплавь, но оставалась надежда вытащить тело.

Внезапно Федя выпрямился.

Лодка вздрогнула и разом, словно ее дернули снизу за несуществующий якорь, провалилась в желтую глубину.

За миг до этого мальчик с ловкостью акробата шагнул на борт, что-то проорал и бултыхнулся в воду, подняв тучу брызг. Когда его увидели снова, он с поразительной быстротой плыл к берегу, молотя руками. Не прошло и пяти минут, как Федя выбрался на песок.

Тревога, ужас, сочувствие – все было сметено гневом. Он издевался над ними! Ему не грозила опасность!

Маятник качнулся обратно. Амплитуда негодования была равна амплитуде страха, который они испытали, вообразив сына Буслаевых мертвым. То тут, то там вспыхивали предсказания: а если бы утонул кто-то из детей, плескавшихся на мелководье, пока родители пытались спасти мерзавца? А вдруг у ныряльщика стало бы плохо с сердцем? Несбывшиеся вероятности маячили так близко, что казались почти осуществившимися.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.